М 85
528
в VI - VIII 1880

М 85/528
201-0
1947

НАРОДЫ РОССІИ.

НОГАЙЦЫ. ИМЕРЕТИНЫ. АРМЯНЕ.

1880 г VI-VIII

Изданіе „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

VF/2523
ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО
МУЗЕЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
Больш. Подъяч. 39.
1880.

Дозволено цензурою. С

2007053137

НАРОДЫ РОССІИ.

I. НОГАЙЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Ногайцы живутъ въ Ставропольской губерніи, по Кубани, между Лабою и Кубанью и на Кумыкской плоскости. Ихъ считается болѣе 80,000 душъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ.

Неудобство земель причиною того, что, какъ закубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за ...омъ. Бѣдные, не имѣющіе его, идутъ лѣтомъ въ заработки, и тысячи ихъ расходятся по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія — все это дѣлаетъ плоскія и измозженныя ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ

напримѣръ, кара-ногайцы, едишкульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Карiе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы; за кирпичъ чая готовы возстать на самаго близкаго родственника. Корыстолюбiе ихъ не высказывается въ стремленiи къ прiобрѣтенiю прилежанiемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желанiи нажить все легчайшимъ способо[illegible]овствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнивы до высочайшей ст[illegible] времени въ праздности: сидятъ в[illegible] по ауламъ.

Гостепрiимство хотя и счита[illegible] разсчета ногаецъ не испечетъ чурека [illegible] крадетъ его точно также, какъ и гость х[illegible] зяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или [illegible] щи, которыя составляютъ предметы желанiя однаго и з[illegible] гаго.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскiй человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не можетъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ варе[illegible] пшено, небольшiя пышки, вареныя въ салѣ, и бишбармакъ—кушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и [illegible] только богатые. Пьютъ бузу, приготовляемую изъ пшена, и аракъ—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти кумыса.

Ногаецъ можетъ быть очень воздержанъ въ пищѣ, въ теченiи даже нѣсколькихъ дней; можетъ довольствоваться одною пышкою или чу-

рекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнивы, но кара-ногайцы и едишкульцы отличаются особою лѣностію и неспособностію къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности: по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Каждое извѣстіе съ быстротою молніи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствіе правильныхъ занятій породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и кляузамъ.

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы.

Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ: они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка: но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только для защиты своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ, и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятія о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращеніе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненно-

По образу жизни ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногіе изъ ногайцевъ живутъ въ земляно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ сакляхъ; но за то почти всѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ базы, окопанные кругомъ и обнесенные ими просто глиняными глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ кото-

рыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Вверху кибитки сдѣлана отдушина для прохода дыма; въ ненастную погоду она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую арбу еще скорѣе укладываютъ хурда-мурда, т. е. домашнюю рухлядь, и семейство готово въ ходъ.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырья кибитки. Тогда дѣти кара-ногайца, голыя или въ однѣхъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчившись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ окоченѣвшія свои руки.

Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ мятелей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада, и изъ богатаго, ногаецъ на дру-

гой день дѣлается такимъ же байгушемъ (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣми женщинами и, даже, младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ сектамъ: сунитской и шіитской.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю.

Будучи сходны съ прочими кавказскими племенами по религіи, ногайцы сходны съ ними по суевѣрію и предразсудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ за невѣсту отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ; мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія ведутъ

къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія.

Похищеніе невѣстъ изъ дома родителей считается большимъ удальствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты вправѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногайцемъ. Обрученные часто растутъ, не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать невѣсту; но оставаться съ нею наединѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ. Самая свадьба не сопровождается нынѣ никакими характеристическими особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ. По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разныя цвѣта и называемую *куйме*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его не много, а въ противномъ случаѣ снаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста—дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ кибитку, *отауй*, а если выходитъ за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье провизжитъ передъ невѣстою домра—двухструнная балалайка, туземный цѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искусство. Затѣмъ арба сопровождается не только родственниками и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степени достаточности брачущихся зависитъ многочисленность ихъ свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляютъ исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою

невѣсту въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное, какъ и сама степь, гдѣ они кочуютъ.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на жену.

При рожденіи ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустые котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія.

Новорожденному дается имя отцомъ или кѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужскаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей.

Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусные въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники, съ послѣднимъ его вздохомъ, тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи.

Отовсюду собирается огромная толпа, особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и своимъ раздирательнымъ стономъ, крикомъ, и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горесть съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя затѣмъ обычные стихи изъ ко-

рана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздаются постоянный плачъ и рыданія. Затѣмъ по окончанія оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немногимъ болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

Часто мужчины, родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Эта шапка снимается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневняго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ питьѣ и ѣдѣ.

У кара-ногайцевъ, послѣ смерти покойника, обмываютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Поэтому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ, привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ въ сопровожденіи родственниковъ-мужчинъ, ѣдущихъ верхомъ, и женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ, покойника кладутъ на арбу, везутъ на кладбище, устроенное непремѣнно на курганѣ, для того, чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ вспоминаютъ только одни похвальныя качества умершаго. По прочтеніи духовнымъ лицомъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и

НОГАЕЦЪ.

кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачъ необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачъ этотъ продолжается не болѣе полчаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Пока женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ кружокъ, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ маханъ (вареная баранина), запивая его шорбомъ (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и аракомъ (родъ водки дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько возаыханій о покойномъ, и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ и его, не обмывая, зашиваютъ окравленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки, открываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачъ женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи, принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти замужъ, а родственники снять трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ, и черной шапки у мужчинъ.

II. СВАНЕТЫ ИЛИ ШАНЫ.

Религіозный и семейный бытъ народа.

По сосѣдству съ абхазскимъ племенемъ и на востокъ отъ него, въ верховьяхъ р. Ингура и его притоковъ, поселились сванеты, народъ до сихъ поръ еще мало извѣстный, по крайней ограниченности извѣстныхъ о немъ этнографическихъ свѣдѣній.

Часть сванетовъ, поселившаяся въ верховьяхъ р. Цхенис-Цхали и бывшая прежде подвластною владѣтелямъ Мингреліи, называется Дадіановскою Сванетіею. Остальное населеніе, размѣстившееся по верховьямъ Ингура и многочисленнымъ его притокамъ, раздѣляется на Вольную и Княжескую Сванетію.

Страна эта есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и представляетъ собою ущелье, обнесенное со всѣхъ сторонъ горами и простирающееся въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, съ населеніемъ до 11 т. душъ.

Суровость скалъ и самаго ущелья иногда смѣняется разнообразными видами богатой растительности на небольшихъ полянкахъ, попадающихся при впаденіи въ Ингуръ его притоковъ. Здѣсь ростетъ мелколиственная пальма, каштанъ, стройный букъ и высокоподымающіяся хвойныя породы лѣса, а подъ ними пріютились рододендронъ, остролистъ и т. п.

Замкнутая въ котловинѣ Кавказскаго хребта, Сванетія считается однимъ изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Кавказа, какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и относительно нравовъ ея жителей. Въ то-

пографическомъ отношеніи Сванетія занимаетъ центральное положеніе въ западномъ Кавказѣ до того уединенное, замкнутое, что страна эта представляется какъ бы отдѣльнымъ островомъ среди цѣлаго океана горъ. Такая замкнутость имѣла и имѣетъ большое вліяніе на характеръ, нравы и обычаи народа. Сванетъ также недоступенъ и дикъ, какъ и природа его окружающая. Доступъ въ Сванетію возможенъ только въ теченіи короткаго лѣта и почти прекращается въ теченіи продолжительной зимы.

Въ Сванетіи, какъ и во всякой горной странѣ, много климатическихъ особенностей, въ зависимости отъ которыхъ находится и земледѣліе ея жителей. Склонные къ земледѣлію, сванеты содержатъ свои поля очень чисто и въ нихъ плевела попадаются весьма рѣдко.

Сванетія болѣе населена и лучше обработана, чѣмъ многія изъ горскихъ владѣній. Ничтожность промышленности заставила народъ обратиться къ единственному источнику пропитанія и богатства— хлѣбопашеству, и надо сказать, что трудъ землевладѣльца вознаграждается достаточно, хотя сванетъ крайне лѣнивъ и потому бѣденъ.

Домъ сванета каменный и состоитъ изъ большой двухъ-этажной постройки, выбѣленной и съ окнами въ видѣ бойницъ.

Сванеты любятъ строить свои дома на выдающихся холмахъ около скалистыхъ обрывовъ, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ окружающею мѣстностію. Деревни ихъ раскинуты по терассамъ, на склонахъ горъ, и, по мѣрѣ удаленія въ горы и возвышенія надъ уровнемъ моря, они все болѣе скучиваются.

Домъ широкимъ своимъ бокомъ прилегаетъ къ четыреугольной высокой башнѣ, съ четырехъ сторонъ которой устроены въ самомъ верху ея амбразуры, а надъ амбразурами выступаютъ изъ стѣны небольшіе своды. Башни раздѣляются на нѣсколько этажей, но не составляютъ принадлежности домовъ всей Сванетіи, и тамъ, гдѣ туземецъ не имѣетъ надобности скрываться подъ ихъ защитою, башни не строятся.

Верхній этажъ дома отдѣляется отъ нижняго бревенчатымъ поломъ; такіе же полы разграничиваютъ на нѣсколько этажей и башню. Толстыя доски, съ вырубленными въ нихъ ступенями, замѣняютъ лѣстницы, по которымъ производится сообщеніе нижняго этажа съ верхнимъ какъ въ жиломъ домѣ, такъ и въ башняхъ. Съ наружной стороны къ дому приставлена такая же лѣстница, которая верхнимъ своимъ концомъ прислоняется противъ верхняго этажа къ деревянному балкону. Въ случаѣ нападенія, сванетъ втаскиваетъ эту лѣстницу внутрь, забиваетъ двери изъ нижняго этажа въ верхній, и тогда домъ его обращается въ крѣпость. Полъ въ домѣ сванета каменный, комнаты просторны, но стѣны и потолки лоснятся отъ копоти и черны какъ уголь. Топка производится въ очагѣ, расположенномъ посреди комнаты и не имѣющемъ дымовой трубы.

Сванетъ живетъ зимою въ нижнемъ этажѣ своего дома и загоняетъ туда же свой скотъ, а на лѣто переселяется въ верхній этажъ.

Внутри комнаты бѣдно, и при самомъ входѣ въ домъ, на пеньковыхъ веревкахъ, виситъ небольшой ящикъ (кубъ), сдѣланный въ видѣ домика, гдѣ хранится сыръ и свѣжее молоко.

Почти около каждаго дома есть огородъ, гдѣ сѣютъ коноплю и горохъ; четыреугольныя и даже квадратныя пашни, здѣсь и тамъ, раскинуты около деревни и обнесены изгородью.

Подлѣ дома устроены небольшіе сквозные деревянные амбары, крытые соломою, для сохраненія кукурузы, и часто, въ предохраненіе отъ сырости и мышей они, не касаясь пола, стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ.

Свободное время, а въ особенности праздники, сванетъ проводитъ въ стрѣльбѣ и попойкѣ. Попойки бываютъ днемъ и ночью то у одного, то у другаго. Обыкновенно домъ хозяина наполняется народомъ, который размѣщается гдѣ попало: кто на землѣ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ въ видѣ креселъ и диванов съ рѣзными спинками Женщины тутъ-же пекутъ хлѣбъ на шиферныхъ плитахъ, утверж-

денныхъ на каменныхъ или желѣзныхъ столбахъ; мясо варится въ чугунныхъ котлахъ, повѣшенныхъ въ саклѣ на желѣзныхъ крючьяхъ.

Пища сванета проста и неразнообразна. Она состоитъ изъ хлѣба, испеченаго изъ ржаной муки въ видѣ комковъ и безъ дрожжей; до чрезвычайности соленаго сыра и арака—родъ водки, которую гонятъ изъ проса.

Существенныя увеселенія сванетовъ состоятъ въ сходбищахъ и пляскахъ. Пѣсни ихъ грубы, суровы и состоятъ въ прославленіи войны, народныхъ героевъ и охоты. По большой части онѣ риѳмованы и заимствованы у имеретинъ.

Дикая и суровая природа Сванетіи сдѣлала и обитателей ихъ не менѣе суровыми; они являются какимъ-то остаткомъ древняго человѣчества, до котораго не коснулась ни одна пылинка просвѣщенія. Всѣ жители чрезвычайно привязаны къ своей родной почвѣ, и многіе изъ нихъ рѣдко посѣщаютъ сосѣдей.

Черты лица сванета напоминаютъ горныхъ грузинъ. Жители, въ особенности Княжеской Сванетіи, болѣе чѣмъ средняго роста, стройны и излишнюю толстоту считаютъ за порокъ, какъ слѣдствіе невоздержной жизни. Имѣя здоровой видъ, сванеты по большой части бѣлокуры, брѣютъ бороду, но оставляютъ усы, волосы стригутъ въ скобку и сзади немного подбриваютъ. Женщины также бѣлокуры и рѣдко встрѣчаются съ темнорусыми волосами, глаза голубые, носъ прямой, продолговатый, ротъ небольшой и вообще окладъ лица довольно правильный. Природа надѣлила сванетовъ значительною физическою силою, хорошими умственными способностями и быстрымъ соображеніемъ, но кругъ свѣдѣній ихъ чрезвычайно ограниченъ, какъ и языкъ ихъ. Не имѣя своей письменности, они употребляютъ грузинскія письмена.

Можно сказать, что всѣ сванеты крещены, но далеко нельзя сказать, что всѣ они христіане. Нужно много усилій и значительное время для того, чтобы очистить отъ языческаго элемента религіоз-

ныя и нравственныя ихъ воззрѣнія. Но въ Сванетіи сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ среди другихъ горскихъ племенъ, потому что въ основаніи религіозныхъ возрѣній этого народа лежатъ все таки истины христіанскаго ученія, хоть и въ искаженномъ видѣ.

Въ настоящее время христіанство обратилось у сванетовъ въ чистое идолопоклонство. Они уважаютъ сохранившіеся образа, приписываютъ каждому изъ нихъ какое нибудь особое свойство и почитаютъ Спасителя, Богородицу, св. Георгія и архангела Гавріила. При видѣ иконы, на лицѣ сванета выражается благоговѣніе; но молясь, онъ не крестится и не снимаетъ шапки; считаетъ себя недостойнымъ, какъ грѣшникъ, поцѣловать икону, а при видѣ ея чмокаетъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ея воздухъ.

Съ потерею письменности, народъ потерялъ способность и умѣнье читать священныя книги, утратилъ настоящій смыслъ религіи, а неграмотные священники, передавая изустно своимъ дѣтямъ обряды религіи, искажали ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе.

Въ Сванетіи очень много храмовъ: даже въ самой незначительной деревнѣ находится ихъ по нѣскольку. Особенно наполнена ими Вольная Сванетія.

Церкви построены изъ грубо-вытесаннаго пористаго камня и покрыты тесомъ. Онѣ содержатся весьма неопрятно. Самый обрядъ богослуженія совершается только однимъ сословіемъ духовенства. Существованіе среди народа особаго класса духовенства принесло ту важную услугу, что оно ревниво оберегало свою, хотя и искаженную, религію отъ вторженія всякихъ постороннихъ ученій. Слѣдствіемъ того было, что сванеты, не смотря на соблазнъ и примѣръ нѣкоторыхъ изъ князей, остались чуждыми магометанскому ученію, пытавшемуся проникнуть къ нимъ съ сѣвернаго Кавказа. Такое противодѣйствіе со стороны духовенства значительно облегчило впослѣдствіи крещеніе почти всѣхъ сванетовъ, такъ что въ 1865 году считалось только 300 душъ некрещенныхъ жителей..

СВАНЕТЫ.

Ни одеждой, ни образомъ жизни, духовенство не отличается отъ мірянъ.

Не смотря на значительный упадокъ христіанства, слѣды его остались въ отправленіи сванетами немногихъ годовыхъ и, въ значительномъ числѣ, церковныхъ празднествъ. Великій постъ въ большомъ уваженіи среди народа. Во все время поста жители не ѣдятъ ничего мяснаго, а употребляютъ въ пищу горохъ, бобы и разныя овощи.

Сванеты до чрезвычайности суевѣрны: вѣрятъ въ разныя примѣты и сновидѣнія, и охотники толковать ихъ. Они обращаютъ вниманіе на различныя предзнаменованія. Сванетъ не пойдетъ иначе на грабежъ, какъ сначала попробуетъ счастія выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то остается дома, съ убѣжденіемъ, что не будетъ ему удачи въ предпріятіи.

Всѣ они отличные стрѣлки до такой степени, что убить птицу не въ голову считается промахомъ. Дурная погода внушаетъ народу особый страхъ. Появленіе незнакомца во время дождя или посѣщеніе имъ въ такую погоду ихъ церкви, принимается жителями какъ знакъ не беснаго гнѣва. Чтобы не накликать себѣ дождя или грозы во время похода, не слѣдуетъ, по понятію туземца, говорить между собою. Для этого сванеты обыкновенно ходятъ другъ за другомъ, поютъ духовныя пѣсни про себя и такъ тихо, чтобы передній не слыхалъ задняго и обратно.

Съ наступленіемъ дождливой погоды, они дѣлаются неразговорчивы и прибѣгаютъ къ гаданію.

Нравственная сторона характера представляетъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Сванетъ чрезвычайно впечатлителенъ, помнитъ добро, признателенъ и всегда веселъ. Онъ гостепріименъ, радушенъ, но любитъ попрошайничество и требуетъ вознагражденія за каждую незначительную услугу. Сванеты цѣломудренны, вѣрны своему слову и клятвѣ, но за то горды, мстительны, скрытны и суевѣрны въ выс-

ней степени. Гордость не мѣшаетъ имъ имѣть о себѣ самое низкое понятіе. Туземецъ не скрываетъ своего невѣжества и своихъ пороковъ, и при этомъ сознается, что у него нѣтъ рѣшимости и силы воли, чтобы исправить себя.

Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ враговъ; у нихъ нѣтъ единства дѣйствія.

Вообще характеръ сванета весьма непостояненъ: онъ то занимается хлѣбопашествомъ, то, бросивъ его, пускается въ торговлю, то ищетъ пропитанія въ одномъ грабежѣ. Въ немъ нѣтъ воинственности, нѣтъ отваги и того молодечества, которое внушаетъ презрѣніе къ опасности. Онъ не нападаетъ явно, но за кустомъ и камнемъ выжидаетъ противника, захватываетъ добычу тайкомъ и спасается безъ оглядки въ своихъ неприступныхъ горахъ.

Удивительное искусство ходить по горамъ и тропамъ скоро и много и терпѣніе въ перенесеніи трудовъ въ дорогѣ доставляютъ ему полную защиту отъ преслѣдованія и наказанія. Огромныя трещины горъ наполняются снѣгомъ, сглаживающимъ всѣ пропасти; порывистые вѣтры свирѣпствуютъ съ ужасною силою, а смѣлый сванетъ, надѣвъ на ноги большія деревянныя тхеламзаури и опершись длиннымъ остроконечнымъ шестомъ, отправляется на разсвѣтѣ въ путь. Гдѣ для другаго нѣтъ никакой возможности пройти, тамъ сванетъ, безъ особой усталости, сдѣлаетъ до 70-ти верстъ въ сутки, перенесетъ на себѣ тяжелые вьюки и пройдетъ черезъ глубокіе снѣга и страшныя пропасти съ такимъ же хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ-бы гулялъ по своему двору. Во время пути онъ можетъ оставаться безъ пищи два и даже три дня, а при случаѣ съѣстъ за однимъ обѣдомъ трехдневную порцію.

Костюмъ сванета мало чѣмъ отличается отъ костюма имеретинца и мингрельца.

Будучи некрасива, женщина къ тому же и нечистоплотна, но любитъ рядиться въ серебряные или мѣдные чапрасты (грудное укра-

щеніе), и пуговицы изъ этихъ-же металловъ составляютъ любимѣйшее ея украшеніе.

По понятію сванета, красавица та, которая имѣетъ широкія плечи, маленькія ножки, полную грудь и тонкій станъ. Для сбереженія стройности стана, нѣкоторыя обшиваютъ дѣвушекъ, на десятомъ году отъ рожденія, сырою кожею отъ бедръ до груди. Въ такомъ положеніи дѣвушка остается до брачнаго ложа, и тогда женихъ разрѣзываетъ эту шнуровку кинжаломъ.

За жену сванетъ, по обычаю, долженъ заплатить 60 коровъ, — цѣна весьма большая и при значительномъ скотоводствѣ, а потому каждый предпочитаетъ взять ее силою, и часто за одну женщину, за право обладать ею, перерѣжутся предварительно множество претендентовъ. Тотъ-же недостатокъ прекраснаго пола вызвалъ и другой, не менѣе странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчинѣ, то онъ ищетъ случая привязать пулю къ ея головному убору и, высказавъ этимъ способомъ притязаніе на нее, убиваетъ мужа и беретъ понравившуюся женщину къ себѣ.

Послѣ сговора и уплаты калыма, невѣста переходитъ въ домъ жениха. Тамъ молодыхъ сажаютъ, священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты. Произнося сначала: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», а потомъ: «слава Отцу, и Сыну и Святому Духу», поздравляетъ молодыхъ — и свадьба окончена.

Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть только одну жену; но если-бы ему захотѣлось жениться на другой, то это весьма легко исполнить: стоитъ только прогнать первую жену. Въ случаѣ смерти мужа, жена переходитъ къ его брату, и если переживетъ его, то ко второму, третьему и т. д., въ томъ случаѣ, если они холосты; но если братья умершаго женаты, то она свободна и вольна выйдти замужъ за постороняго. Въ послѣднемъ она не можетъ встрѣтить затрудненія, потому что женщины въ Сванетіи очень рѣдки, и нѣтъ та-

*

кой старухи-вдовы, которая бы, послѣ смерти мужа, тотчасъ-же не нашла себѣ другаго, и очень часто молодаго.

Жена находится въ полномъ распоряженіи мужа. Онъ ея повелитель и судья, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть женщины. Спрашивать сванета о здоровьѣ жены, значитъ обидѣть его, и самому сдѣлать неприличный поступокъ; одни родственники могутъ спросить мужа о здоровьѣ жены, да и то не при постороннихъ. Мужъ считаетъ за стыдъ сидѣть вмѣстѣ съ женою и, вообще, неохотно говоритъ съ нею.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ, она пользуется нѣкоторою свободою и отличается непринужденностью при обращеніи съ посторонними. Въ противность всѣмъ горскимъ женщинамъ, сванетки легко вступаютъ въ разговоръ, шутятъ, прислуживаютъ и кокетничаютъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ, составляютъ хороводы, поютъ, пляшутъ, нисколько не стѣснялсь и не дичась ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на существо нечистое.

Сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало—отъ гнуснаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ существовалъ между богатыми и бѣдными, между дворянами и крестьянами, и былъ вызванъ убѣжденіемъ, что убійство дѣвушекъ вознаграждается рожденіемъ сына; а сванеты, по своему положенію, нуждались въ мужскихъ рукахъ и, какъ всѣ неразвитыя племена, давали предпочтеніе мальчику передъ дѣвочкою. Обычай этотъ былъ такъ распространенъ, что можно было встрѣтить семейство, въ которомъ родители убили до пяти новорожденныхъ дѣвочекъ.

При жизни отца и братьевъ, женщина не имѣетъ права на выдѣлъ какой бы то ни было части изъ имѣнія; убить женщину считается низкимъ, а прекрасный полъ пользуется этимъ и принимаетъ участіе во всѣхъ ссорахъ и рѣзнѣ. Стоитъ только женщинѣ, безъ покрывала, съ рас-

пущенными волосами, броситься въ толпу враждующихъ, какъ кровопролитіе тотчасъ-же прекращается. Сванетъ, скрывшійся отъ преслѣдованія въ женскомъ отдѣленіи дома, или прикоснувшійся до женщины рукою, остается невредимымъ. Никакое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ болѣе убійство, не можетъ быть совершено въ присутствіи женщины. Ихъ посредничество принимается въ ссорѣ; но женщины не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ процессахъ. Церковь считается оскверненною, если женщина войдетъ въ нее: она можетъ входить въ предѣлъ, но не дальше. Столь презрительный взглядъ на женщину до такой степени укоренился въ средѣ сванетовъ, что сами женщины убѣждены въ томъ, что образа не вынесутъ ихъ присутствія.

Когда молодая жена родитъ въ первый разъ ребенка, тогда отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало—исключительный нарядъ замужней женщины. Во время родовъ и послѣ ихъ, женщина, въ теченіи 40 дней считается нечистою и оставляется на произволъ; прикоснуться къ ней въ это время, пока священникъ не окропитъ ее водою, значитъ осквернить себя. Самое окропленіе производится издали, при помощи палки.

Родившійся ребенокъ считается до крещенія также нечистымъ. Крещеніе младенца производится весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ: въ однихъ обществахъ оно ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія; въ другихъ младенца погружаютъ въ воду и помазываютъ мѵромъ изъ орѣховаго масла. Обрядъ этотъ исполняетъ крестный отецъ. Есть и такія общества, у которыхъ крещеніе замѣняется тѣмъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули: одну за себя, другую за него.

Сванеты, особенно въ сѣверныхъ частяхъ владѣній, открыто пользуются правомъ сильнаго, для котораго жизнь человѣка не имѣетъ никакого значенія.

Убить человѣка за самую ничтожную вещь или плату, ничего не значитъ. Христіанская религія, принятая во второй разъ народомъ, пока еще не принесла плодовъ. Въ Вольной Сванетіи трудно найти человѣка, который бы не совершилъ нѣсколькихъ убійствъ. Оттого въ Сванетіи съ давнихъ временъ враждуютъ деревня противъ деревни, общество противъ общества. Сванетъ въ домѣ и внѣ дома боится встрѣтится съ кровоместникомъ. Какъ только садится солнце, онъ, боясь нападенія, загоняетъ свой скотъ и запираетъ ворота. Ночью онъ почти никогда или очень рѣдко выѣзжаетъ изъ дому.

Сванетъ строитъ крѣпкое жилье съ массивною оградою, съ единственною цѣлью дать своему семейству убѣжище во время нападеній. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ закладываетъ и забиваетъ нижнюю дверь, служащую для прохода скота, снимаетъ лѣстницеобразную доску отъ верхнихъ дверей, по которой обитатели входятъ и выходятъ, и все семейство, запасшись провіантомъ, запирается въ многоэтажной башнѣ. Изъ дому въ домъ открывается стрѣльба, часто продолжающаяся по нѣскольку недѣль; люди и животныя одинаково подвергаются выстрѣламъ.

Во время подобной засады, дозволяется только постороннимъ свободный входъ въ оба враждующіе дома для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою и для принятія мѣръ къ примиренію враждующихъ. Съ объявленіемъ мира, если случилось смертоубійство, то выборные опредѣляютъ цѣну крови, но это не мѣшаетъ получившему плату, отправить, при удобномъ случаѣ, на тотъ свѣтъ виновнаго въ смертоубійствѣ, а полученную плату бросить ему на дворъ. Эти враждебныя соотношенія довели сванетовъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, а когда воздѣлываетъ землю, то братъ или другой родственникъ оберегаетъ его со взведеннымъ куркомъ у ружья. За то ни одинъ сванетъ не разстается съ оружіемъ, и малѣйшая обида или ссора оканчивается выстрѣломъ.

Своеобразный характеръ сванетовъ выразился и въ похоронномъ обрядѣ. Каждый имѣетъ на кладбищѣ или въ церковной оградѣ свой участокъ; занимать чужой участокъ не допускается, а неимѣющіе его хоронятся внѣ ограды. Въ самой церкви и у стѣнъ ея похороны строго воспрещены; дѣти моложе трехъ лѣтъ зарываются въ домѣ или во дворѣ. На общемъ кладбищѣ не хоронятъ незаконнорожденныхъ, умершихъ неестественною смертію, и тѣла разлагающіяся вслѣдъ за кончиною. Въ дурную погоду не хоронятъ вовсе: покойникъ долженъ пролежать, пока не прояснится, и если дождь продолжителенъ, то вся деревня, помимо воли родныхъ, относитъ покойника и хоронятъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ.

Если въ первую недѣлю послѣ похоронъ пойдетъ дождь, то покойника вынимаютъ изъ могилы и относятъ дальше: если это все не поможетъ прекращенію дурной погоды, то трупъ бросаютъ просто въ яму и, не зарывая его землею, закладываютъ досками и наваливаютъ камни.

Умершаго обмываютъ, брѣютъ, надѣваютъ на него платье, обрѣзываютъ ногти и, давъ въ руки свѣчи, кладутъ въ деревянный гробъ Вся деревня собирается на похороны; приходятъ даже и тѣ, которые были во враждѣ съ покойнымъ.

Открывается обрядъ оплакиванія: толпа раздѣляется на кучки, которыя однѣ за другими входятъ въ домъ, становятся передъ покойникомъ на колѣна и начинаютъ голосить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи существуетъ оригинальный обычай устраивать оплакиваніе при жизни мнимаго покойника. Приготовивши пиръ, хозяинъ сзываетъ гостей, укутывается какъ покойникъ и, ставъ въ углу, остается въ неподвижномъ состояніи. Родные подходятъ къ нему по очереди и, съ громкими воплями и рыданіями, выхваляютъ доблести воображаемаго покойника.

Послѣ оплакиванія слѣдуетъ выносъ: впереди ведутъ быка, коро-

ву или теленка, которые потомъ передаются священнику; затѣмъ слѣдуетъ мезаре съ колокольчикомъ, потомъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Присутствующіе подвигаются сзади медленно, въ извѣстномъ порядкѣ: мужчины, снявъ шапки, а женщины—лечаки. Плачъ пѣніе молитвъ, съ акомпаниментомъ балалайки, сливаются въ одинъ общій гулъ.

На кладбищѣ во время отпѣванія всѣ становятся на колѣни. Самое отпѣваніе состоитъ въ одномъ произнесеніи словъ: «Слава Отцу и Сыну, и Святому духу» и въ прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ, не принадлежащихъ, впрочемъ, исключительно этому случаю.

По окончаніи погребенія, всѣ отправляются въ домъ умершаго, гдѣ обѣдаютъ и напиваются. Родственники носятъ траурное черное платье; мужчины отращиваютъ бороды, на 6 или 7 мѣсяцевъ; дворяне носятъ трауръ два года, крестьяне менѣе. Мужчины не ѣдятъ мяса двѣ недѣли, а женщины иногда нѣсколько лѣтъ. Круглый годъ, за обѣдомъ и ужиномъ, оставляютъ на столѣ блюда для покойника, какъ бы ожидая его прихода, а каждую субботу относятъ на могилу хлѣбъ, аракъ и сыръ, дѣлающіеся достояніемъ священника, которому отдаютъ и все платье покойника послѣ общихъ поминокъ, дѣлаемыхъ въ концѣ года.

Если случится, что сванетъ умретъ вдали отъ родины, то родственники употребляютъ все стараніе, чтобы перенести его останки на свое кладбище. Если же онъ похороненъ, то довольствуются соблюденіемъ весьма оригинальнаго обычая, происхожденіе котораго основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ.

Однажды бывшій въ Кутаисѣ сванетъ заболѣлъ, былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать имъ тѣло покойника, но какъ оно было уже похоронено, то въ просьбѣ этой имъ было отказано. Тогда сванеты подошли къ кровати, на которой скончался ихъ одноземецъ; ставши передъ ней на колѣни, они шептали какія-то слова и оплакивали умершаго;

ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала его голова, вылили бутылку водки, выкопали небольшую яму, и посадили въ нее пѣтуха (для женщины сажаютъ курицу). Затѣмъ взяли съ могилы горсть выкопанной земли, завязали ее въ узелокъ, и, послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на чонгурѣ, напѣвая погребальную пѣсню и никому не отвѣчая на дѣлаемые имъ вопросы.

По ихъ понятію, этихъ обрядовъ совершенно достаточно, чтобы душа покойника переселилась въ пѣтуха. Они спѣшили отнести ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали надъ пѣтухомъ и землею оплакиваніе и поминки, какъ бы надъ самимъ покойникомъ.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Начиная отъ восточнаго берега Чернаго моря и почти до слія-нія р. Куры съ Алазанью, все пространство между главнымъ хребтомъ и сѣверными скатами хребтовъ Аджарскаго и малаго Кавказа занято племенемъ картвельскимъ, или грузинскимъ.

При вступленіи въ подданство Россіи, картвельское племя раздѣлялось на четыре самостоятельныя части: собственно Грузію, или Грузинское царство, Имеретію, Мингрелію и Гурію, управлявшіяся отдѣльными самостоятельными владѣльцами.

Грузинская народность сохранилась въ Имеретіи и Мингреліи гораздо лучше, чѣмъ въ самой Грузіи. Въ этихъ частяхъ почти все населеніе принадлежитъ исключительно къ одному картвельскому племени, тогда какъ въ Грузіи народонаселеніе въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Причиною тому историческая судьба Грузинскаго царства, подвергавшагося значительнымъ и частымъ раззореніямъ.

Такая пестрота населенія Грузіи была причиною того, что картвельская народность, въ территоріальномъ отношеніи, перемѣшалась съ другими народностями и, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи и Мингреліи, удержала, однако же, свою особенность въ нравахъ и обычаяхъ.

Мы сначала опишемъ собственно грузинъ, а потомъ мингрельцевъ, имеретинцевъ и гурійцевъ.

III. ГРУЗИНЫ.

По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали они кажутся неправильною насыпью или грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи, напротивъ того, всѣ строенія тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ, собственно, ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, нарушитъ ли онъ удобство другихъ, или займетъ дорогу. Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются въ глазахъ всѣхъ и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ.

Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, суть необходимыя пристройки къ дому.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится

изъ плетня, съ двумя отдѣленіями: одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и задняя стѣнки приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый, колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ дарбази—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (дедабодзи), служащій опорою всему дому.

Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточиваются въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ барбази же разводится огонь или устраивается углубленіе, выложенное камнемъ, небольшой очагъ, служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ азарпеши, небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежитъ и что стоитъ. Другой сосудъ—кула, т. е. кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго дерева, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула—сосуды, изъ которыхъ, по преимуществу, пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ — это турій рогъ, часто

ГРУЗИНСКІЕ ТИПЫ.

оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противуположной входу стѣнѣ сакли, устроена большая ниша, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе тахты (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною мутакою (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, и кидобани (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый, мерцающій свѣтъ и, вмѣстѣ съ пламенемъ костра, составляетъ все освѣщеніе сакли.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ деревенскаго. Почти каждый домъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристраиваются различнаго вида и величины дома сосѣдей; здѣсь, также какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерея, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилье состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго,

что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ залою. Полъ или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья, или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ.

Въ комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахты), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницею.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверзстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода, дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню, часто причиняющую угаръ.

Простая баранья шапка грузина, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на-бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи шнуркомъ съ кисточками и, по привычкѣ общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣвается чоха, которой рукавовъ мужикъ никогда не закидываетъ за плечи. Икры его всегда обтянуты кожаными онучами; въ нихъ запущены концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ.

Обыкновенно употребляются шкуровые лапти, а въ торжественныхъ случаяхъ сапоги изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. Поверхъ всего надѣвается мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди.

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и неохотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ, новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ. когда самъ женится, бываетъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. д.

Костюмъ женщинъ очень живописенъ, но мы его не описываемъ ибо на рисункѣ это видно нагляднѣе.

Грузинъ любитъ попировать, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣстъ очень мало, часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чехи закинуты за плечи. Передъ обѣдающими растянута супра (скатерть), преимущественнаго синяго цвѣта, съ разными фигурами, неотличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: эстрагонъ, кроссъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или лаваши—тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ величинъ: поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ

вилки, а ножъ у каждаго неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго, подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный бозбашъ—супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, и чихиртма—мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, употребляются грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала приготовляется нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизелемъ и прочими сластями и кислотами.

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь отъ материнскихъ сосцевъ переходятъ прямо къ лапкѣ бурдюка (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина, несвойственнаго его возрасту; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу.

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщило

ГРУЗИНЫ

грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предаются увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на свадьбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ пляшутъ и также пьютъ женщины.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога. Продолжителенъ кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье.

По походкѣ и одеждѣ идущаго можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ онъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашеные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры, иногда всѣ серебряныя, составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ, считаетъ невѣжливымъ поклониться первому: онъ ждетъ, пока не поклонится ему первымъ князь. Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Съ самаго ранняго утра грузинъ оставляетъ свою саклю и проводитъ почти весь день въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ туземцы переливаютъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ кавказскомъ городѣ есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Дѣятельность эта публичная и общественная; здѣсь ремесленникъ занимается своимъ дѣломъ при всемъ честномъ народѣ: вы съ улицы видите, какъ валяютъ тѣсто у булочника, какъ лошадь подковываютъ, какъ обтачиваютъ новый ножикъ, какъ починиваютъ старые сапоги, какъ брѣютъ намыленную голову правовѣрнаго. Лавки и мастерскія совершенно открыты для взоровъ праздныхъ наблюдателей, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ, покуривая трубку и любуясь на кузнеца, загоняющаго гвозди въ конское копыто, на

портнаго, починивающаго грязные шаровары, или, наконецъ, на булочника, окончившаго свою утреннюю работу и собирающагося отдохнуть. Сложивъ въ кучу нѣсколько лавашей, онъ преспокойно ложится на нихъ, какъ на подушкахъ, и скоро засыпаетъ. Отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, обильный потъ спящаго струится по лавашамъ; но праздный зритель, грузинъ, не стѣсняется этимъ: будитъ его, покупаетъ одинъ изъ лавашей и, безъ всякаго отвращенія, употребляетъ въ пищу. Словомъ, жизнь грузина уличная и вполнѣ азіятская. Туземцы весь свой день, отъ восхода и до заката солнца, проводятъ на улицѣ.

Днемъ остаются дома только однѣ женщины. Грузинка, славящаяся красотою, занимается своимъ туалетомъ и разнощиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета.

Не смотря на рабское положеніе и отчужденность въ семействѣ, грузинскія женщины въ высшей степени безпечны и невозмутимо лѣнивы. Всѣ труды по хозяйству лежатъ здѣсь на попеченіи мужа, а жена, даже и бѣдная, думаетъ только о томъ, какъ бы нарядиться въ праздникъ. Но это равнодушіе къ труду туземной женщины проистекаетъ не изъ организаціи ея натуры, большею частію живой и дѣятельной, но изъ боязливой ревности мужчины выводить жену свою, черезъ участіе ея въ своихъ занятіяхъ внѣ дома, на позорище нѣсколькихъ чужихъ глазъ.

Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Онѣ готовы въ тихомолку пококетничать, не весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ, наприм сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не нято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это пра значитъ, подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ с дей и знакомыхъ.

Вечеромъ все населеніе выходитъ изъ саклей и кучами ра

гается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ, въ лѣтнюю пору, видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудовъ, разряженныя дѣвушки, собравшись въ кружокъ при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ, жизнь немногимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ курси (родъ большаго ящика изъ рамъ, покрываемаго одѣяломъ), подъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ очага, употребляютъ мангалъ, а у бѣдныхъ просто глиняную чашку, наполненную углями.. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ—онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли владѣтелямъ мангала, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники.

Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ, въ компаніи и съ туземною музыкою, пройтись по базару, посмотрѣть на кулачный бой или самому въ немъ участвовать. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ

городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе употребляемая—прыганіе черезъ спину другаго.

Когда наступаетъ срокъ родить, мужъ посылаетъ дать знать о томъ родственникамъ и знакомымъ. Мало по малу со всѣхъ концевъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что, при родахъ нечистая сила, въ образѣ; змѣя, старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего *али*, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Въ защиту отъ такого чудовища, подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса, окружаютъ освященною сѣтью.

Не смотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Чтобы облегчить страданія родильницы,— если бы таковыя случились,— бабка запасается на всякій случай, она опытная и бывалая, разными снадобьями.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей, вмѣстѣ со стономъ больной, наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ; смотрите, какая грѣховодница: умираетъ, а всетаки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!..

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери. Съ того момента, какъ раздастся крикъ

новорожденнаго, никто изъ вновь пришедшихъ навѣстить родильницу или новорожденнаго младенца не допускается къ нимъ ранѣе, какъ по прошествіи часа со времени прихода.

Грузины вѣрятъ въ существованіе злаго вѣтра, который пристаетъ къ людямъ, отправляющимся ночью, чрезъ рѣки, или вообще чрезъ воду. Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ, находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденныхъ. На этомъ основаніи пріѣзжіе никогда ранѣе часа не впускаются къ родильницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату.

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь.

Рожденіе сына, въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей, и выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи его на свѣтъ. Тотчасъ-же дается праздникъ дзеоба, т. е. рожденіе сына. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о пріятной новости, и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные и знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца отъ всякихъ покушеній *ами* принимаются мѣры.

Для этого учреждается ночная стража (гамисъ-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности отъ змія».

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто

къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или-же выражающее какое-либо качество.

Мальчикъ ростетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для обученія рукодѣлію и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылавшихся собирать хорошенькихъ дѣвицъ съ порученіемъ для гарема шаха.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ, или изъ духовныхъ лицъ, или-же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, появляться *сіа*—списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой сіа.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другаго родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, а отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Хороша-ли невѣста или дурна—женихъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *эртаджала*—обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное

право не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій, по преимуществу, изъ платка и четокъ.

Наканунѣ свадьбы шаферъ собираетъ молодыхъ людей (макари) и, вмѣстѣ съ ними, ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить то-же самое. Баня для грузинъ—это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ банею, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безразличія, будетъ-ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося мушу, т. е. носильщика, и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители усѣвшись въ кружокъ и разостлавъ на полу коверъ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодъ. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ; въ баню собираются цѣлыми партіями собственно для того, чтобы покутить на славу, и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсенъ, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ баню и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче, и звучнѣе. Полунагія грузинки часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; тамъ же моется и женихъ наканунѣ свадьбы.

На время свадьбы женихъ принимаетъ названіе мепе (царь), а невѣста именуется дедопали (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадается на пути,—овца, корова, курица—все рѣжется въ честь мепе, который обязанъ платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ сазандара (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой свадьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему

зятю. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина: онъ ждетъ кого-то.

Между тѣмъ одного изъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Посланный принимаетъ названіе махаробели—вѣщатель радости.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), говоритъ онъ.

А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему. Но она поступитъ въ распоряженіе мепе (женихъ) не иначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея наставницѣ.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха, и приглашаютъ его въ комнату невѣсты. Войдя туда съ открытою головою, онъ молча садится подлѣ невѣсты съ правой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ правую ея руку и, вручивъ ее жениху, произноситъ рѣчь.

Обрядъ вѣнчанія совершаетъ священникъ той церкви, къ приходу которой принадлежитъ невѣста *).

*) Городскія свадьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невѣсты, а ѣдетъ прямо въ цер-

СІОНЪ И ОРСЕТЪ ВЪ ГРУЗІИ.

Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но тотъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говоритъ, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тесть обвязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ, пастырю церкви.

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или деньгами, или вещами, цѣнность которыхъ въ самомъ бѣдномъ семействѣ доходитъ отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, какой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чапракомъ лошади или на убранной и устланной коврами арбѣ. Сопровождающіе гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непремѣнно справа, иначе по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно, что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. Оба жениха спѣшиваются, садятся за импрови-

---

ковь, куда привозитъ невѣсту шаферъ. Въ день свадьбы въ домѣ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаются разговорами, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣднія, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры (дайра—горшокъ, обтянутый кожею). По мѣрѣ прибытія гостей, онѣ садятся на тахту и принимаются за варенья и разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку, съ акомпаниментомъ всеобщаго хлопанья въ ладоши—необходимымъ условіемъ этого танца.

зованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями.

Въ домѣ жениха, свекровь встрѣчаетъ молодую также сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази — главную комнату. Ее обводятъ вокругъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣна невѣсты сажаютъ мальчика — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи....

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другаго дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать,—она требуетъ платы. Расплатившись съ нею, молодые входятъ въ спальню, въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованію, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ хмись-гасацемы — подарка за разговоръ, и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если на другой день подадутъ полустаки — сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые условились жить мирно, въ согласіи и любви, и довольны другъ другомъ.

— Когда участники недовольны свадьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави*— подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебряную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

Празднованіе свадьбы окончено. Казалось-бы, молодымъ предстоитъ веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ свекрови.

Бездѣтная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ вмѣсто своей жены, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Бездѣтная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

Каждый изъ праздниковъ имѣетъ у грузинъ свою особенность, исключая праздникъ Рождества, который не отличается у грузинъ никакими особенностями. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго года самый доходный для торгующихъ сластями. Каждая

хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу, и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупательницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома, поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство: такъ заведено изстари, и грузинъ слѣдуетъ этому обычаю безпрекословно, вѣря, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушится порядокъ, то и въ будущемъ году, въ соотвѣтствующій день, произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ таблѧ, онъ укладываетъ хлѣбы счастія, ставитъ чашку меду и четыре горящія свѣчи нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнаты, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастіе.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

Въ день Крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Іордань съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (сахнисъ—саквети), охотникъ свои прадѣдовскія шашки и кинжалы. Все это погружается, вмѣстѣ съ крестомъ, въ воду. Молодые несутъ

АНАНУРЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

сосуды для святой воды; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе съ кувшинами за водою ждутъ съ нетерпѣніемъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «Во Іорданѣ крещающуся», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ, или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или, доплывъ до половины, возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при этомъ направить своихъ лошадей такъ, чтобы онѣ грудью встрѣтили волны, только-что освященныя крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воды, бѣжитъ къ своему дому, стараясь не уступить никому первенства, быстро взбирается на крышу сакли, гдѣ, черезъ отверзтіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба. Подъ отверзтіемъ подносятъ закваску люди, нарочно для того остающіеся дома.

Грузины строго соблюдаютъ только первую половину поста; въ это время они говѣютъ и постятся; во вторую же половину мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

Празднованіе Пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Мужчины, въ день Вознесенія, занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за-городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы; медленно и спокойно течетъ рѣка Кура; кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ чадрахъ, въ разныхъ мѣстахъ покры-

ваютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы; въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами*—длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней, во весь опоръ пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ въ слѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всѣ глаза смотрятъ назадъ и, на лету, ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ. Громы рукоплесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (Святая гора). На одномъ изъ ея уступовъ стоитъ монастырь св. Давида, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе разсказываетъ, что св. Давидъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцевъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. Тоже преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ былъ причиною ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка?—Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя.

Несчастная внезапно почуствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила камень. Камень этотъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ квишетской церкви, получившей отъ него и свое

названіе. Въ возмездіе за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытіе на горѣ источника, вода котораго имѣла бы силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

По понятію грузинъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и преимущественно, старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби*, т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана или, какъ грузины называютъ, тартаръ, имѣющій необыкновенно большіе глаза и страшные зубы; изо рта у него выходитъ дымъ чадящій; глаза у него огненные. Каждая вѣдьма, представляясь тартару, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе собою жертву, и чѣмъ больше камешекъ, тѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ кудесничествъ.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья, извѣстнаго подъ именемъ „квинтила". Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ намазываютъ своимъ зельемъ первый, попавшійся имъ подъ руку, предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылетѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше всего онѣ любятъ путешествовать на кошкахъ, которыхъ хватаютъ у грузинъ.

Чтобы предохранить себя отъ посѣщенія вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесятилѣтняго старца до пятилѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и заклинаніи, состоящемъ въ повтореніи словъ: ари-урули-урули-урули кудіанеби (фраза непере-

водимая, но выражающая проклятья, обращенныя къ кудіанебамъ). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверзтія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, кудіанеби дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣетъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый чіакокона, и забираются въ тѣ дома, которыя не были ограждены вѣтками шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія на гору Ялбузъ. Войдите въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательные: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватали непріязненные ѣздоки-кудіанеби.

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь Амиранъ, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный песъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, если бы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія.

НАРОДЫ РОССІИ.

I. ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ.

Отличительныя черты народа.

Область Имеретіи имѣетъ три различныхъ климата. Возвышенныя мѣста, равнины и небольшія плоскости на горахъ, примыкающихъ къ главному Кавказскому хребту, имѣютъ климатъ умѣренный. Природа здѣсь величественна, но угрюма; съ горъ, поросшихъ высокими соснами, березами и чинарами, сбѣгаютъ шумные водопады; рожь, ячмень и овесъ составляютъ главныя произведенія земли; виноградъ попадается рѣдко и не вызрѣваетъ. Поднимаясь еще выше къ главному хребту, встрѣтимъ вѣчную осень и зиму. Большая часть населенія живетъ въ долинахъ, между горами, подъ защитою лѣсовъ и пользуется пріятнѣйшимъ и теплымъ климатомъ. Здѣсь растетъ сарачинское пшено, шелковица, виноградъ и множество разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Третья полоса, составляющая собственно бассейнъ Ріона — жаркая, влажная и поражающая своею растительностію. Здѣсь двѣ весны. Трава, выжженная солнцемъ во время лѣта, снова растетъ и покрывается цвѣтами осенью. Здѣсь туземецъ живетъ даромъ, не снискивая себѣ пропитанія въ потѣ лица.

Оттого въ нижней, подгорной Имеретіи, женщины не занимаются никакой земледѣльческой работой. Въ полѣ работаютъ мужчины, не смотря на свою лѣнь. Женщины же, послѣ жатвы, выходятъ на поля и подбираютъ оставшіеся на нивѣ колосья, которые и жертвуютъ или въ пользу церкви, или причта. Напротивъ того, въ верхней или горной Имеретіи, въ мѣстахъ гористыхъ и суровыхъ, гдѣ земля не такъ плодородна или недостаточна для продовольствія, по малому ея количеству, особенно въ Рачѣ, работаютъ все однѣ женщины, а мужья ихъ отправляются на заработки къ сосѣдямъ.

Природа большей части равнины Имеретіи очаровательна, а растительность и еще того больше. Многія мѣста утопаютъ въ зелени и цвѣтахъ, рѣдкихъ даже въ оранжереяхъ, а здѣсь имѣющихъ значеніе простаго хвороста, которымъ огораживаютъ сады, или плетутъ курятники.

Роскошная растительность видна повсюду; слышится запахъ азалей и миндаля; плющъ и боярышникъ выглядываютъ изъ-за зелени.

Съ наступленіемъ ночи, картина принимаетъ еще болѣе фантастически-очаровательный видъ, когда весь лѣсъ наполняется маленькими, порхающими вокругъ огоньками. Миріады летающихъ мушекъ съ фосфорическими, свѣтящимися желудками, какъ будто лампадки, наполняютъ весь воздухъ и лѣсъ.

Онѣ храбро усаживаются на гривы лошадей, на спину ямщика, залетаютъ въ экипажъ, и, рѣя повсюду и описывая свѣтящіяся голубоватыя линіи, даютъ путнику волшебный видъ на яву.

Жилища имеретинскихъ князей, большею частію каменныя, покрытыя тесомъ или дранью, со многими службами для помѣщенія прислуги, строятся въ два этажа. Имеретинскія деревни, монастыри и церкви раскинуты на горахъ и по холмамъ, между обширными и тучными полями. Имеретинъ, точно также, какъ мингрелецъ и гуріецъ, любитъ просторъ, хочетъ, чтобы подъ рукою, около его дома, была пашня, виноградники, шелковица и фрукты. Обширный дворъ

имеретина обсаженъ деревьями; поодаль отъ дома небольшая пристройка—абечели, амбаръ для проса, гоми, кукурузы и ячменя, а у помѣщиковъ, сверхъ того, кухни, конюшни, овчарни и проч. Отъ этого деревни тянутся на большое пространство, и часто одна деревня сливается съ другою. Вся Нижняя Имеретія составляетъ, можно сказать, одно громадное селеніе, гдѣ жители, окруженные со всѣхъ сторонъ садами, живутъ какъ на дачахъ.

Имеретинъ, даже и небогатый, не живетъ въ саклѣ съ плоскою крышею, но имѣетъ досчатый домъ, крытый тесомъ или соломою; крыша имѣетъ остроконечный видъ, и, спускаясь низко, образуетъ надъ стѣнами навѣсъ, подъ которымъ, обыкновенно вокругъ всего дома, устраивается балконъ.

Балконы бываютъ большею частію широки, украшаются рѣзьбою, столбами и составляютъ лучшую часть помѣщенія туземца, въ особенности когда бываютъ обвиты виноградными лозами. Балконъ—лучшая пріемная для гостей и любимое помѣщеніе для семейства. Тутъ постоянно можно видѣть и работающихъ женщинъ и играющихъ дѣтей, и разряженныхъ въ праздничные дни имеретинокъ.

Имеретинъ не сидитъ поджавши ноги, какъ грузинъ, но сидитъ на креслахъ и скамьяхъ, хотя первобытнаго и грубаго устройства.

Онъ не пьетъ вина азарпешею и кулою, а пьетъ его изъ глинянаго или оловяннаго бокала. Имеретины очень любятъ роскошь, но пользуются ею страннымъ образомъ. Женщины одѣваются въ богатѣйшія платья, а ходятъ босикомъ; полы устилаютъ отличными коврами, а стѣны кое-какъ побѣлены. Конечно, все это относится до людей средняго и бѣднаго класса населенія. Богатые имеретины живутъ несравненно лучше и чище своихъ бѣдныхъ собратій.

Имеретинки большею частію брюнетки и притомъ стройны, но не выдѣляются своею красотою передъ мужчинами, которые, если не превосходятъ ихъ, то и не уступаютъ имъ въ красотѣ. Мужчины преиму-

щественно средняго роста; въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности. Почти всѣ мужчины носятъ или бороду, или усы, причемъ къ послѣднимъ они имѣютъ особое влеченіе. Туземецъ страшный защитникъ не только своихъ усовъ, но и каждаго отдѣльнаго ихъ волоса; нѣкоторые оставляли службу изъ-за того только, что приходилось сбрить усы. «Какой же совѣстливости ожидать отъ человѣка, говорятъ имеретины, у котораго нѣтъ ни бороды, ни усовъ».

Имеретины закручиваютъ и завертываютъ на ночь свои усы въ саулваши—особаго рода наусники.

Будучи добръ, ласковъ, обходителенъ, имеретинъ невѣжественъ и страстный охотникъ до процессовъ и тяжбъ всякаго рода. Среди населенія явились подъячіе, ябедники и законники, которыхъ всѣ боятся, которымъ низко кланяются и ищутъ всѣ знакомства и расположенія, какъ людей полезныхъ и до нѣкоторой степени необходимыхъ. Такіе люди пользуются извѣстностію, обираютъ добродушныхъ поселянъ и живутъ на ихъ счетъ припѣваючи. Это благосостояніе крючкотворцевъ заставило многихъ молодыхъ людей, даже и хорошихъ фамилій, добиваться должности писца, какъ почетнаго званія, при помощи котораго каждый разсчитываетъ на лишнюю копѣйку, на вѣрный источникъ дохода.

Разсчеты ихъ болѣе чѣмъ вѣрны, потому что ни одинъ поселянинъ не пройдетъ мимо присутственнаго мѣста безъ того, чтобы не завернуть туда, не взять какой-нибудь справки или не попросить написать просьбу.

Пріѣхавъ на базаръ и выручивъ хорошіе барыши отъ продажи своихъ продуктовъ, крестьянинъ не прокутитъ ихъ, не купитъ обновы, а зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. «На что тебѣ она скажетъ ему добрый человѣкъ, односелецъ».—«Какъ на что? отвѣтитъ онъ—это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, не-

BEPEI PIOHA.

дорогаго, абаза (20 коп.) за три съ листа?»—«Какъ не быть,—ихъ много. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу». — «А какъ недавно! мѣсяца три будетъ; тогда отказали, а теперь можетъ быть и не откажутъ».—«Почему-жъ не откажутъ?—А потому, что у насъ начальникъ новый. Авось не откажетъ; а откажетъ, такъ пойду жаловаться. Губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а тамъ подамъ просьбу въ сенатъ; а сенатъ откажетъ, тогда утоплюсь или надѣну на шею сабели (крученая веревка, изображающая висѣльную петлю) и опять пойду къ намѣстнику».

Не смотря на столь большую охоту къ сутяжничеству, имеретины, въ сущности, весьма добродушны и честны.

Одѣваясь совершенно по грузински, имеретинъ носитъ на головѣ папанаки—небольшую плоскую шапочку. Папанаки—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, вершка въ два ширины и полтора длины. На головѣ онъ поддерживается тесьмою, пришитою по угламъ и задѣваемою за подбородокъ. Прикрывая только маковку головы, папанаки носится, однакоже, во всякое время года. На ногахъ туземецъ носитъ сапоги съ высокими каблуками, подбитыми подковами, и съ длинными носками, загнутыми вверхъ. Вся подошва его обуви, часто, сплошь, начиная отъ выемки, и неисключая носковъ, подбита мелкими гвоздями, что необходимо для спуска и подъема на горы.

Имеретинки носятъ лечаки и тавса-крави, вышитую серебромъ по темномалиновому бархату. Богатые носятъ кать-ибу, родъ кацавейки съ открытыми рукавами, темно-малиноваго бархату и опушенную куницею; изъ-подъ кать-ибы виднѣется архалукъ изъ розоваго канауса, обшитый вдоль въ два ряда серебрянымъ галуномъ, съ серебряными застежками сверху до низу и перетянутый широкою лентою, касающеюся двумя концами своими носковъ. Роскошныя косы красавицъ переплетаются и перевиваются иногда розовымъ шелкомъ.

Имеретинки отличныя наѣздницы; онѣ садятся на коня также скоро, какъ мужчины, ѣздятъ на мужскихъ сѣдлахъ, и въ состояніи дѣлать верхомъ значительные переѣзды. За то женщина сочтетъ за безчестіе, если ей предложатъ сѣсть на катера. Причина та, что въ прежнее время безнравственныхъ женщинъ сажали на катера или на осла, и возили публично по селенію, подвергая тѣмъ тяжкому наказанію.

Сосѣдняя съ Имеретіею — Мингрелія, по характеру мѣстности, раздѣляется: на горную и низменную.

Климатъ верхней Мингреліи пріятенъ, повсюду здоровъ, и почва плодородна; Нижняя же Мингрелія, болѣе поросшая лѣсомъ, изобилуетъ болотами и топями никогда невысыхающими, и потому климатъ ея нездоровъ и тяжелъ, даже для самихъ туземцевъ: горячка, цынга и лихорадки существуютъ въ этихъ мѣстахъ почти постоянно.

Природа такъ обильно расточаетъ свои блага, что мингрельцу предстоитъ только одинъ трудъ: собирать въ свою житницу то, что дастъ ему почва, безъ всякаго труда и заботъ съ его стороны.

Если взглянуть на Мингрелію съ высоты птичьяго полета, то она представится сплошнымъ густымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадаются пространства, покрытыя кустарникомъ и папоротникомъ. Но болѣе пристальный взглядъ обнаружитъ, что большая часть пространства, кажущагося лѣсомъ, покрыта виноградными и фруктовыми садами, скрывающими въ себѣ жилища туземцевъ, разбросанныя на значительномъ между собою разстояніи, такъ что одна какая-нибудь деревушка тянется на нѣсколько верстъ. Каждый имѣетъ близъ и вокругъ своей сакли виноградникъ, пашни и пастбища. Селенія представляютъ почти неразрывную связь между собою.

Смастеривъ себѣ кое-какъ и наскоро хижину, подъ тѣнью гигантскаго орѣшника, туземецъ ожидаетъ только, когда созрѣютъ его плоды, и собираетъ ихъ часто такое количество, что на вырученныя

отъ продажи деньги можетъ легко просуществовать цѣлый годъ. Этотъ же орѣшникъ или чинаръ защищаетъ его жилище отъ вѣтра и дождя, а подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство туземца.

Растительность вообще такъ богата, что можно подъѣхать къ деревнѣ, въ которой считается до 200 домовъ, и видѣть передъ собою только одинъ домъ. Такое богатство природы способствуетъ сохраненію жителями первобытнаго состоянія младенчествующихъ племенъ. Лѣнь, развитая до высшей степени, сдѣлала мингрельца способнымъ только вспахать себѣ поле, да сшить одежду; но многіе изъ нихъ ходятъ босыми зимою и лѣтомъ. Часто въ Редутъ-Кале приходятъ мингрельцы, принося на продажу куръ, зелень, орѣхи, каштаны и т. п., зимою при 3° и 5° мороза. [Отправляясь на рынокъ босикомъ, мингрелецъ несетъ подъ мышкою клочекъ сѣна; останавливаясь на мѣстѣ для продажи своего товара, онъ бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобы нога не примерзла къ камнямъ, другую поднимаетъ, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажу; тогда, подобравъ сѣно, онъ идетъ дальше.]

На небольшомъ пространствѣ Мингреліи, можно встрѣтить и море, и горы значительной высоты, и долины зеленѣющія безконечными виноградниками, и гряды скалъ увѣнчанныя замками и храмами. Тутъ есть и нѣжные плоды роскошнаго юга, и дары суроваго сѣвера. Вся Мингрелія представляетъ собою непрерывный садъ, въ которомъ около каждаго дерева вьется виноградная лоза съ тяжелыми гроздьями. Перекидываясь часто съ дерева на дерево, виноградныя лозы образуютъ естественныя качели, на которыхъ женщины, сидя, качаются.

Мингрельцу построить домъ ничего не стоитъ. Необходимо только выкопать въ землѣ яму, глубиною аршина въ два, а шириною какую вздумается, и обложить стѣны ея камнемъ; въ одной стѣнѣ, обращенной къ скату, сдѣлать входъ, и тогда вода не потечетъ внутрь

дома; все выкопанное пространство раздѣлить на двѣ половины: на одной—супруга и семейство, на другой—лошадь и рогатый скотъ; обѣ половины покрыть землею,—и хата готова.

Обрубокъ дерева и доска, вмѣсто стола, служатъ мингрельцу мебелью; двѣ, три чашки изъ чинароваго дерева и глиняные кувшины составляютъ всю его посуду.

Вся усадьба мингрельца состоитъ изъ сакли или шалаша и двухъ-трехъ амбарчиковъ, также плетеныхъ, огороженныхъ заборомъ изъ колючки, представляющей непроницаемую защиту отъ звѣря и человѣка.

Подлѣ дома устраивается иногда скотный дворъ,—это просто большой огороженный лугъ, наполненный домашними животными.

Такъ туземецъ жилъ изстари, такъ онъ живетъ и теперь. Въ холодную пору на очагѣ среди комнаты, на земляномъ полу, горитъ постоянный огонь. Топливомъ запасаются безъ всякаго разбора, такъ что жители очень часто срубаютъ на дрова фруктовыя деревья, строевой лѣсъ и все, что только не составляетъ въ ихъ глазахъ особой необходимости для другихъ хозяйственныхъ потребностей.

Мингрельцы имѣютъ черты лица нѣжныя и болѣе женственныя; мужской красоты въ нихъ нѣтъ, за то типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящнѣйшихъ въ свѣтѣ; даже женщины изъ крестьянскаго сословія и тѣ поражаютъ своею красотою. Въ Мингреліи нѣтъ особаго типа; здѣсь одинаково попадаются и брюнетки, и блондинки. Правда онѣ не такъ красивы, какъ сосѣдки ихъ, гурійки, но стройный ростъ, умныя, выразительныя лица, миловидныя головки, длинные и шелковистые волосы, вьющіеся по плечамъ, и правильныя роскошныя формы тѣла—приковываютъ вниманіе. Движенія ихъ смѣлы, граціозны, страстны и выказываютъ вполнѣ окружающую ихъ природу.

Мингрелецъ, мужчина, чрезвычайно способенъ, воспріимчивъ, упрямъ и мстителенъ, но въ обращеніи скроменъ и вкрадчивъ; на мингрельца слишкомъ трудно положиться и повѣрить ему на слово,

тогда какъ гургецъ, напротивъ того, гордится выполненіемъ даннаго обѣщанія. Воровство, сильно развитое въ Мингреліи,—глав-

МИНГРЕЛЬСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ.

ный порокъ, глубоко проникнувшій въ среду народа и составляющій исключительную особенность мингрельцевъ.

Воровство преимущественно распространяется на скоть, и въ особенности, на лошадей, и въ этомъ отношеніи мингрельцы ловки до чрезвычайности: они не могутъ равнодушно смотрѣть на чужаго коня, особенно когда тотъ гуляетъ на свободѣ. Туземный конокрадъ употребляетъ множество ухищреній для укрытія похищенной лошади. Конокрадствомъ занимались почти всѣ сословія, не исключая духовенства. Занятіе это доведено здѣсь до степени художества.

Богатые мингрельцы носятъ темносинюю чуху, всю отороченную и изукрашенную золотыми галунами. Чуха надѣвается сверхъ блѣдно-голубаго шелковаго архалука; на голову надѣваютъ также папанаку, обшитую золотомъ. Мингрельскія и гурійскія женщины катыбѣ не носятъ, а вмѣсто лечака въ Мингреліи употребляютъ тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Женщины простаго званія ходятъ въ ситцевыхъ и холщевыхъ платьяхъ грузинскаго покроя, а на головѣ носятъ большой платокъ, закрывающій все лицо, кромѣ глазъ и носа.

Небольшое пространство Гуріи, лежащее на берегу Чернаго моря и составляющее Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи, имѣя весьма много общаго съ сосѣдними ей Мингреліею и Имеретіею, отличается вредностью своего климата. Вся страна покрыта густыми лѣсами, во многихъ мѣстахъ непроходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности: трава и деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Пахатное поле въ нѣсколько лѣтъ зарастаетъ такъ густо, что обращается въ лѣсъ. Кукуруза своимъ ростомъ закрываетъ всадника, и самые нѣжные плоды и растенія встрѣчаются въ лѣсу въ естественномъ видѣ; шелковичныхъ деревьевъ цѣлыя лѣса.

За то климатъ повсюду сырой и почва болотистая, такъ что почти въ каждой деревнѣ встрѣчаются люди въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы такъ велика, что если въ саклѣ начнутъ разводить на землѣ огонь, то онъ часто тухнетъ отъ притока къ нему грунто-

вой воды, и потому, чтобы предупредить это, туземцы въ землю подъ очагомъ врываютъ глиняный горшокъ, стѣны котораго не пропускаютъ влажность. Домъ гурійца деревянный, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ въ потолкѣ, замѣняющимъ и трубу, и окно; посреди комнаты разложенъ очагъ, который и грѣетъ, и кормитъ гурійца. Дымъ выходитъ частію въ потолочное отверзстіе, частію въ двери. У высшаго класса строятся дома европейской архитектуры.

Типъ гурійцевъ значительно отличается отъ типа имеретинъ и мингрельцевъ. Причиною такого измѣненія одного и того же грузинскаго племени было вліяніе природы и сосѣдство турецкихъ племенъ, съ которыми гурійцы роднились и были въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ продажу невольниковъ. Такихъ похожихъ на испуганныхъ птичекъ, граціозныхъ, ребятишекъ, такую мужественную красоту мужчинъ, и такой изящный тонкій профиль женщинъ, трудно найти и на Кавказѣ. Своею манерою и граціею гурійки очень похожи на южныхъ италіянокъ. Господствующая черта характера гурійца—необыкновенная подвижность, страстность, живость, любопытство и увлеченіе.

Гурійцы чрезвычайно привѣтливы и горды. Будучи разсудительны и хитры, они вѣрны данному слову. Гдѣ дѣло касается народной гордости, семейства или личности, тамъ гуріецъ крайне вспыльчивъ и раздражителенъ. Поступокъ или слово, на которое другой не обратилъ бы вниманія, вызываетъ часто у гурійца неудовольствіе и кончается нерѣдко кровавою развязкою. Гуріецъ набоженъ до фанатизма, исполняетъ самымъ строгимъ образомъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ такіе обряды, которые кажутся странными для христіанина. Считая непростительнымъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ, въ ту же среду или пятницу, продать туркамъ чужихъ и даже своихъ собственныхъ дѣтей, или убить человѣка. Молясь усердно въ церкви, онъ условливается съ товарищами на разбой и грабежъ.

Всѣ гурійцы храбры, хорошіе стрѣлки и отличные пѣшеходы въ отношеніи дальности и скорости переходовъ. Гурійцу не составляетъ никакого труда пройти, напримѣръ, въ полтора сутокъ изъ Озургетъ до Кутаиса, что составляетъ разстояніе около 190 верстъ по прямому пути.

Гуріецъ корыстолюбивъ, но не для наживы, а для исполненія своихъ прихотей; простой крестьянинъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы только доставить себѣ предметъ роскоши.

Гурійская женщина такъ хороша собой, и походка, ея такъ граціозна что достаточно взглянуть вечеромъ при закатѣ солнца на дѣвушку, идущую съ кувшиномъ воды на головѣ, чтобы помириться и съ ея синимъ ветхимъ платьемъ, и съ ея красными, также не первой молодости, шальварами. Красота женщинъ была побудительною причиною къ плѣно-продавству, которое существовало даже въ 1850 годахъ, не смотря на всю бдительность нашей кордонной стражи.

Гурійскія женщины скромны, ласковы, привѣтливы и замѣчательной красоты, впрочемъ много теряющей отъ чрезмѣрнаго употребленія бѣлилъ, румянъ и сурьмы. Онѣ любятъ наряды преимущественно яркихъ цвѣтовъ и самыхъ дорогихъ тканей, но обращаютъ болѣе вниманія на внѣшнюю роскошь и наружныя украшенія. Бѣлье не считается важною частію одежды и пренебрегается гурійками, лишь бы только верхнее платье отличалось пышностію и великолѣпіемъ.

Гурійская женщина пользуется большею свободою, чѣмъ въ Грузіи; мужчины, въ разговорахъ съ женщинами, весьма вольны, не стѣсняются въ выраженіяхъ даже съ матерью и сестрами и допускаютъ рѣчи, предосудительныя по мнѣнію европейцевъ. Мужчины, а въ особенности юноши, имѣютъ свободный доступъ въ семейство, доступъ тѣмъ болѣе легкій, чѣмъ менѣе ревнивъ глава семейства. Въ отсутствіи мужа, жена принимаетъ только женщинъ, но въ присутствіи мужа посѣщенія бываютъ безпрерывны.

Гуріецъ одѣвается въ куртку съ патронами и серебряными галу-

нами; изъ-подъ куртки видна часть элеги (жилета), сверхъ котораго надѣваетъ еще зубаю (тоже родъ жилета). Онъ носитъ узкіе донельзя шаровары, обшитые серебряными галунами; ноги въ ноговицахъ и коротенькихъ кожаныхъ сапожкахъ съ проплетенными подошвами. Широкій шелковый турецкій платокъ охватываетъ его талію; на головѣ—башлыкъ.

Военные доспѣхи гурійца и боевыя принадлежности никогда не разлучаются съ нимъ. Сверхъ кушака, на ременномъ широкомъ поясѣ, служащемъ и хранилищемъ денегъ, виситъ дчурмушъ-оглы, гдѣ лежатъ: кресало, трутъ, пули и форма для ихъ отливки; матара, кожаный складной сосудъ для питья; пороховница изъ верблюжьей кожи съ красивою рѣзьбою; ножикъ, мѣдная сальница, кожаная солонка; навощенный холстъ—липа, чтобы въ темную ночь освѣтить дорогу; веревка для связыванія плѣнныхъ; шомполъ со вдѣланными въ него маленькими щипцами для огня, и длинный кисетъ со вложенною въ него маленькою трубочкою. Если ко всему этому прибавить, что у него за кушакомъ заткнуты кинжалъ, карабинъ и пистолетъ, сверхъ которыхъ привязанъ патронташъ, да въ рукахъ онъ держитъ винтовку—тогда будетъ полная картина гурійца.

Таковы отличительныя черты каждой изъ трехъ народностей; въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на свойства имъ всѣмъ общія.

Обычаи, праздники и суевѣрія.

Со временъ глубокой древности, жители Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, точно также какъ и Грузіи, сохранили уваженіе къ правамъ гостепріимства и заботятся о путникѣ. Лишь только путникъ подъѣзжаетъ къ дому, какъ хозяинъ спѣшитъ его встрѣтить, и если это случится ночью, то выходитъ къ гостю съ факеломъ въ рукѣ, торопясь снять съ него башлыкъ и бурку.

Едва пріѣзжій сойдетъ съ лошади, какъ слуги указываютъ ему саклю, въ которой онъ располагается, какъ дома. Спустя нѣсколько минутъ, является сынъ или ближайшій родственникъ хозяина, и предлагаетъ гостю свои услуги, чтобы омыть ему ноги. Тотъ, конечно, отказывается; тогда вносятъ скамейку или супру, съ трапезой и входитъ самъ хозяинъ, привѣтствуя гостя.

Туземцы любятъ покушать и сытно, и жирно. На супрѣ, означающей въ буквальномъ переводѣ скатерть и замѣняемой описанною выше длинною и легкою скамейкою, кладется нѣсколько хлѣбовъ и ставятся самыя разнообразныя кушанья. Между ними занимаетъ первое мѣсто гомія—кушанье, похожее на нашу пшенную кашу. Гомія приготовляется безъ соли, подается горячей и составляетъ легкую и пріятную приправу къ соленымъ кушаньямъ, какъ-то сыру и рыбѣ.

Приготовленныя въ изобиліи и самаго разнообразнаго вида кушанья изъ каплуновъ и цыплятъ, которыми особенно славится Мингрелія по всему южному Кавказу, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ при угощеніи. Пироги съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобіо—родъ крупной чечевицы съ перцомъ, чуреки изъ кукурузы,—все это приносится и подается за столомъ. О винѣ и говорить нечего:—въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи въ немъ нѣтъ недостатка; разныхъ сортовъ и изъ разныхъ садовъ, оно льется рѣкою въ стаканы, бокалы, азарпеши и турьи рога, которые быстро осушаются до дна. Къ концу обѣда въ Гуріи подается самое лакомое блюдо, молочная каша съ корицею и сахаромъ. Разнаго рода фрукты: виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы и гранаты, тутъ же сорванные съ дерева, подаются въ видѣ десерта, для лакомства съ избыткомъ насыщенныхъ желудковъ.

Кости, оглоданныя зубами болѣе почетныхъ гостей, и остатки отъ цыплятъ не пропадаютъ: ихъ передаютъ съ главнаго стола низшему классу гастрономовъ, выжидающихъ съ жаднымъ вниманіемъ чтобы кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего швырнулъ имъ ногу отъ

цыпленка или кусокъ какого нибудь кушанья. Принимая этотъ подарокъ, какъ знакъ высокой снисходительности и вниманія, получающій встаетъ, низко раскланивается и снимаетъ шапку.

Встрѣчая и отправляя большую часть праздниковъ совершенно сходно съ грузинами, жители Имеретіи, Мингреліи и Гуріи придали нѣкоторымъ изъ нихъ своеобразный характеръ, и, кромѣ того, установили у себя нѣкоторые собственно имъ принадлежащіе такъ сказать, мѣстные праздники. Такъ новый годъ—время полнаго разгула въ Гуріи. Гурійцы часто выносятъ на продажу самыя необходимыя вещи для того только, чтобы на вырученныя деньги гулять весь день новаго года, и тотъ, кто по бѣдности не въ состояніи отпраздновать надлежащимъ образомъ, считать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Наканунѣ новаго года въ семействѣ, гдѣ только есть свинья, убиваютъ ее и приготовляютъ кушанье.

Съ вечера наканунѣ новаго года населеніе деревень, кромѣ женъ и дѣтей, выселяется на площадь, гдѣ и проводитъ всю ночь въ играхъ, пѣсняхъ, стрѣльбѣ изъ ружей, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія утра, когда начинается особая церемонія взаимныхъ поздравленій.

Въ первый день великаго поста, женщины Гуріи приготовляютъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ, величиною въ глазъ, кладутъ ихъ на тарелку окруженную зажженными восковыми свѣчами, молятся Богу и просятъ, чтобы оспа не повредила тому, кого посѣтитъ. Шарики бросаются потомъ въ воду. Тѣ, у кого не было еще оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не шьютъ, потому что, по народному повѣрью, сколько зубьевъ въ гребнѣ, сколько кто увидитъ буквъ въ книгѣ, или сколько кто сдѣлаетъ швовъ, столько будетъ у того рябинъ и пятенъ на тѣлѣ.

На Ѳоминой недѣлѣ имеретины занимаются игрою въ мячъ. Мячикъ, употребляемый для игры, приготовляется величиною въ арбузъ, обшивается галунами и представляетъ не только простую или

невинную забаву, но и составляетъ предметъ народнаго уваженія и даже суевѣрія. На второй день Ѳомина воскресенья народъ дѣлится на двѣ части. Раздается звукъ буки (трубы), и священникъ въ облаченіи выноситъ мячъ на серебряномъ блюдѣ. Мячъ бросается въ средину однимъ изъ старшихъ почетныхъ въ родѣ лицъ, обѣ стороны бросаются къ мячу, спорятъ между собою, стараются завладѣть имъ и донести до назначеннаго мѣста; честь и слава той сторонѣ, которой, достанется мячъ: она будетъ имѣть круглый годъ изобиліе и удачу во всемъ. Конечно, каждый желаетъ такого счастія, а потому споръ и свалка бываютъ жестокіе. Мячъ перебрасывается товарищами изъ рукъ въ руки: то скрывается въ толпѣ, то вновь появляется при всеобщемъ крикѣ и шумѣ. Часто, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусковъ и раздается домохозяевамъ. Получившій кусочикъ мячика увѣренъ, что храненіе такого кусочка доставитъ дому изобиліе урожай и прочее. Разсказываютъ, что имеретинскіе цари выдумали эту забаву для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ.

Уваженіе къ старшимъ сохранилось въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи во всей первобытной силѣ. Взрослый сынъ не сядетъ безъ особаго разрѣшенія передъ отцомъ; точно также молодой человѣкъ, находясь въ обществѣ со старикомъ или человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, не сядетъ, пока не получитъ приглашенія. Дѣти хотя и обѣдаютъ съ своими родителями, но точно будто гости, участвующіе въ трапезѣ по особому приглашенію; ни одно громкое или нескромное слово не можетъ быть произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или старшихъ.

Старшій братъ, въ особенности если онъ послѣ смерти отца заступаетъ мѣсто главы семейства, пользуется уваженіемъ не только братьевъ и сестеръ, но и матери, которая, покоряясь его волѣ и распоряженіямъ, сохраняетъ только за собою право на услуги и почтеніе старшаго ея сына. Въ Гуріи эта особенность доведена до такой тонкости, что младшіе члены семейства считаютъ своею обя-

МИНГРЕЛЕЦЪ ИМЕРЕТИНЕЦЪ ГУРІЕЦЪ

занностію не только повиноваться отцу или брату, но даже прислуживать имъ наравнѣ со слугами.

ИМЕРЕТИНКА.

Семейное начало, основанное на уваженіи старшихъ, перешло и

въ общество, отразившись на отношеніяхъ владѣтеля къ его подданнымъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ.

Въ Мингреліи относительно привѣтствія существуетъ совершенно особый обычай. Тамъ, при встрѣчѣ князя или дворянина съ крестьяниномъ, послѣдній до тѣхъ поръ не поклонится, пока князь или дворянинъ не скажетъ ему: здравствуй!

При встрѣчѣ же двухъ равныхъ лицъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя хотятъ оказать другъ другу взаимную вѣжливость и учтивость, существуетъ опять новый этикетъ: каждый старается уступить другому честь перваго поклона. Встрѣтившіеся, просятъ другъ друга, настаиваютъ, взаимно умоляютъ кланяться первымъ, но учтивость и благопристойность требуютъ, чтобы каждый не менѣе упорно отказывался отъ подобной чести. Послѣ жаркихъ споровъ, продолжающихся обыкновенно нѣсколько минутъ, спорящіе одновременно кланяются другъ другу и разъѣзжаются или расходятся спокойно.

Часто случается, что встрѣтившіеся поспорятъ—поспорятъ между собою, да такъ и разойдутся не поклонившись, показывая этимъ, что въ высшей степени воспитаны и обладаютъ равною вѣжливостью.

Въ религіозныхъ понятіяхъ всѣхъ трехъ народностей много наивнаго и дѣтскаго. Имеретины, напримѣръ, не считаютъ грѣхомъ принять ложную присягу, если она производится не по ихъ древнему обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ; такую присягу они называютъ русскою присягою. Явный воръ, неоднократно изобличенный въ своемъ дурномъ поведеніи и пойманный съ поличнымъ, принимаетъ ложную присягу безъ всякаго страха и угрызеній совѣсти, потому что предварительно онъ успѣлъ забѣжать въ домъ и, вынувъ изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ.

У имеретинъ есть обычай: въ случаѣ спора за право владѣнія

какимъ либо участкомъ земли, одна изъ тяжущихся сторонъ беретъ въ руки образъ и обходитъ съ нимъ спорный участокъ; этимъ способомъ доказывается принадлежность его обходящимъ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ полосы, о которыхъ никогда не было дѣла и которыя составляли неотъемлемую собственность постороняго лица. Поэтому начался споръ, драка, и что же обнаружилось? что господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей пашни, думали что вслѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не согрѣшатъ передъ Богомъ, присягая что идутъ по своей собственной землѣ.

Такія странности проявляются весьма часто и указываютъ на какія-то оригинальныя и дѣтскія понятія народа, считающаго себя весьма религіознымъ. Что туземцы преданы вѣрѣ и тверды въ ней— это не подлежитъ сомнѣнію.

Постъ соблюдается весьма строго и ни одинъ изъ дней поста не нарушается скоромною пищею; церкви посѣщаются народомъ весьма часто, но все это дѣлается по привычкѣ и безъ всякаго сознанія.

Употребляя различнаго рода хитрость для принятія ложной присяги, туземецъ сохраняетъ спокойствіе духа до первой болѣзни и въ особенности, если она случится вскорѣ послѣ ложной клятвы. Тогда, приписывая свою болѣзнь наказанію, ниспосланному тѣмъ образомъ, передъ которымъ онъ ложно присягнулъ, больной призываетъ къ себѣ священника и признается ему во всемъ, а пріобрѣтенную несправедливою присягою вещь возвращаетъ своему противнику.

Отсутствіе яснаго пониманія началъ религіи породило глубочайшее суевѣріе и толки всякаго рода самые нелѣпые.

Никто не сомнѣвается въ существованіи колдуновъ и вѣдьмъ и въ способности ихъ портить людей, нагонять падежъ скота и прочія невзгоды.

Туземцы больше всего боятся порчи отъ глаза, во избѣжаніе чего

носятъ амулеты, а новорожденнаго долгое время не показываютъ никому изъ постороннихъ.

Суевѣріе, вкоренившееся въ народѣ, перешло и въ обычай, которымъ, напримѣръ, въ Гуріи сопровождается рожденіе ребенка.

Родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, накидываютъ сѣна и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка такъ, чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Родится сынъ—радуются, веселятся и стрѣляютъ, а родится дочь—ничего не бываетъ. Кто первый скажетъ отцу: «у тебя родился сынъ», тому дѣлаютъ подарокъ.

По окончаніи стрѣльбы, родильницу переводятъ въ другую убранную комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее нечистый духъ, и завѣшиваютъ парчевымъ занавѣсомъ. Подъ подушки кладутъ раковины. До благополучнаго разрѣшенія до бремени, родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго разсвѣта. Едва разнесется вѣсть о рожденіи дитяти, какъ всѣ знакомые спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ разныхъ животныхъ и костюмы. Собравшіеся пьютъ, веселятся и тѣшатся.

Въ Мингреліи и Гуріи существуетъ также обычай усыновленія взрослыхъ лицъ. Человѣкъ, питающій особое уваженіе къ какой-либо женщинѣ, можетъ просить ее, чтобы она усыновила его. Въ Гуріи, какъ усыновляющая, такъ и усыновляемый, передъ совершеніемъ обряда нѣсколько дней постятся и затѣмъ усыновляемый сосетъ грудь у нареченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Въ Мингреліи предварительный постъ не составляетъ необходимости. Здѣсь усыновляющая и усыновляемый призываютъ священника и нѣсколькихъ свидѣтелей. Усыновляемый становится на колѣна, усыновляющая раскрываетъ грудь, а священникъ читаетъ надъ ними приличную этому случаю молитву. Затѣмъ

усыновляемый беретъ въ ротъ сосокъ нареченной матери, которая одну ногу ставитъ ему на спину, какъ бы для большаго скрѣпленія родства. Это родство высоко уважается мингрельцами и гурійцами, и никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ этого ни между лицами совершившими этотъ обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. По окончаніи обряда, пируютъ празднуя свое новое родство.

Впрочемъ, въ настоящее время, обычай этотъ ослабѣваетъ и замѣняется родствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ молочнаго. У туземцевъ еще и до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе другимъ, безъ различія сословія, гдѣ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подаркомъ къ родителямъ,которые вознаграждаютъ ихъ подарками вдвое и втрое большими.

Молочное родство считается священнѣйшимъ и воспитатели предпочитаютъ воспитанника своимъ дѣтямъ; нигдѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ въ Гуріи.

Говоря объ обычаяхъ, нельзя пройти молчаніемъ особенно характеристическаго, оплакиванія умершаго и обряда погребенія, одинаково соблюдаемыхъ всѣмъ картвельскимъ или грузинскимъ племенемъ. Конечно соблюдаемые при этомъ обычаи нельзя назвать тождественными въ подробностяхъ, но нижеслѣдующій разсказъ представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ особенностей, какія замѣчаются какъ у грузинъ и гурійцевъ, такъ у имеретинъ и мингрельцевъ — это, такъ сказать, общая картина похоронъ.

Со смертію одного изъ членовъ семейства, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, дѣлаются приготовленія къ публичному оплакиванію. Присутствующіе ближайшіе родственники, родители, братья, разсылаютъ во всѣ концы письма къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго съ извѣщеніемъ о постигшемъ ихъ несчастіи и съ приглашеніемъ на оплакиваніе, продолжающееся иногда нѣсколько дней и даже цѣлую

недѣлю, смотря по достоинству и званію умершаго, по числу оплакивающихъ лицъ, близости или дальности ихъ мѣстожительства.

Пока не соберутся родственники или же не получится извѣстіе, что такіе-то не могутъ пріѣхать, покойникъ, не смотря на жаръ, остается въ домѣ непохороненымъ иногда очень долго и въ особенности это чаще всего случается въ Гуріи. Кромѣ родныхъ и друзей, созываются также и сосѣди, которые, кромѣ оплакиванія, исполняютъ при этой церемоніи нѣкоторыя, собственно для этого случая, установленныя должности.

Обойдя съ горестными восклицаніями всѣ комнаты дома и вещи покойнаго, посѣтитель идетъ къ себѣ домой или возвращается во вторую комнату, гдѣ собрались родственники, но возвращается непремѣнно другимъ путемъ, отнюдь не входя въ тѣ комнаты, въ которыхъ уже былъ. Родственники также могутъ уходить домой, но обязаны каждый день, утромъ и вечеромъ, приходить и поплакать вмѣстѣ съ ближайшимъ родственникомъ покойнаго, съ тѣми же почти причитаніями, какъ и въ первый разъ.

Изъявленіе сожалѣнія зависитъ отъ краснорѣчія плакальщика, которому присутствующіе отвѣчаютъ также пронзительнымъ воемъ. Отъ этого въ комнатѣ, по мѣрѣ накопленія посѣтителей, раздается раздирающій душу плачъ, невольно заставляющій разчувствоваться и самаго безчувственнаго человѣка. По окончаніи плача, всѣ выходятъ изъ комнатъ и прихлопываютъ три раза дверями. Не успѣла одна толпа родственниковъ окончить свое оплакиваніе, какъ на горѣ появляется другая толпа, еще большая, оглашающая своимъ крикомъ и рыданіемъ всю окрестность. Съ увеличеніемъ числа оплакивающихъ увеличиваются крики и рыданія.

Когда всѣ родственники окончатъ свой очередной плачъ и прежде чѣмъ приступятъ къ выносу покойника изъ дому, начинается плачъ всеобщій. Каждый старается перекричать своего сосѣда и отличиться плачемъ: шумъ, крикъ и неистовыя движенія наполняютъ

комнату. Родственники плачутъ и кричатъ отъ чистаго сердца, отъ скорби; а сосѣди бьютъ себя въ грудь и рвутъ волосы, бьются головою объ стѣну, можно сказать, по обязанности, по изстари заведенному обычаю. Тѣ, которые, при жизни покойнаго, были въ разладѣ съ нимъ и даже ненавидѣли его, теперь до крови царапаютъ себѣ лице и грудь, рвутся, чтобы броситься въ воду, показываютъ видъ, что намѣрены убить себя какимъ-либо оружіемъ, и мечутся такъ, что два человѣка едва въ состояніи удержать ихъ. Они бранятся, просятъ не держать, пустить ихъ, и умоляютъ, чтобы дозволили прекратить несносную для нихъ жизнь. Они бросаются къ гробу и не дозволяютъ поднять его, чтобы вынести изъ дому: такова сила обычая.

Съ разнаго рода затрудненіями удается вынести умершаго изъ дому и тогда у гурійцевъ передъ гробомъ является человѣкъ, которому даютъ сулис—сагзали, (путевую провизію для души, состоящую изъ кувшина съ виномъ и печенаго хлѣба. Провизію эту необходимо нести прямо на кладбище, отнюдь не оглядываясь ни разу назадъ, иначе сулис—сагзали недостигнетъ своего назначенія. Гурійцы убѣждены, что душа человѣка, оставляя тѣло и отправляясь въ дорогу, имѣетъ нужду въ провизіи. По вѣрованію туземца, послѣ смерти человѣка душа остается на землѣ въ теченіи 40 дней и нуждается въ пищѣ точно также, какъ все живущее на землѣ; съ переселеніемъ же послѣ этого срока на небо, она, забывая все земное, отвыкаетъ мало по малу и отъ пищи. Отъ этого родственники умершаго, въ теченіи 40 дней, во время обѣда и ужина оставляютъ для покойнаго особую порцію, и, отдавая ее нищему, думаютъ, что она чудеснымъ образомъ достигнетъ до умершаго.

Въ Имеретіи при выносѣ покойника изъ дому разбиваютъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Самые близкіе родственники разуваются и идутъ за гробомъ босые, хотя бы въ это время былъ снѣгъ или морозъ

Возвращаясь съ кладбища, въ воротахъ дома умываютъ руки ви-

номъ съ водою и потомъ садятся за столъ, исключая близкихъ родственниковъ. За обѣдомъ подаютъ постныя кушанья и это постничанье продолжается, для близкихъ родственниковъ, 40 дней. Члены семейства умершаго постятся обыкновенно круглый годъ: не ѣдятъ въ это время сладкихъ блюдъ и фруктовъ, а иногда отказываются навсегда отъ тѣхъ блюдъ, какія любилъ покойный.

Начиная съ пятнадцатаго дня послѣ похоронъ, самые близкіе родственники надѣваютъ трауръ и носятъ его въ продолженіи года, а иногда и болѣе; дальніе же родственники носятъ по 15 или 40 дней, или до перваго торжественнаго храмоваго праздника.

Во время траура носятъ самое грубое черное платье, не брѣютъ бороды, не стригутъ волосъ, избѣгаютъ общества и развлеченія; члены же семейства часто запираются въ темную комнату, въ которой скончался покойный.

Въ седьмой и сороковой день совершаютъ *гамотирили* (выплакиваніе или послѣднее оплакиваніе). Родственники собираются на кладбище и около могилы ставятъ столъ, разстилаютъ на немъ ковры, а на нихъ кладутъ платье покойнаго, надъ которымъ снова плачутъ и рыдаютъ. Спустя нѣсколько времени совершаются агапи (поминки). Пригласивъ духовенство, родныхъ, друзей и знакомыхъ, закалываютъ нѣсколькихъ быковъ, или коровъ, овецъ и куръ, при чемъ въ Гуріи окрашиваютъ куриныя яйца въ красной цвѣтъ. Послѣ панихиды, духовенство благословляетъ приготовленныя яства и всѣ принимаются за обѣдъ. Священникамъ, и особенно духовнику умершаго, подаются лучшія кушанья и по нѣскольку красныхъ яицъ. Порціи эти, священникамъ поданныя и называемыя аршини, довольно велики, такъ что священники отсылаютъ часть ихъ къ своимъ семействамъ.

Въ черноморскомъ бассейнѣ встрѣчаются и русскія поселенія скопцовъ и молоканъ, которые, разумѣется, сохранили русскую характеристику. Мы прилагаемъ здѣсь только рисунокъ.

ТИПЫ РУССКИХЪ МОЛОКАНЪ НА КАВКАЗѢ.

II. ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

Сѣверный и южный скаты главнаго Кавказскаго хребта, верховья рѣкъ Арагвы, Аргуна, Алазани, Іоры и Эрцойское ущелье населены тушинами, пшавами и хевсурами, составлявшими особый округъ, простиравшійся до 3,932 квадр. верстъ съ населеніемъ около 32,000 душъ.

Основываясь на томъ, что въ языкѣ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ слышится древній грузинскій языкъ, сохранившійся даже въ ихъ книгахъ священнаго писанія, многіе считаютъ ихъ народомъ грузинскаго происхожденія.

Хевсуръ сложенъ непропорціонально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный носъ, сѣрые или каріе глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляютъ типъ хевсура. Онъ грубъ, надмѣненъ, придирчивъ, гордъ и безпеченъ, уважаетъ только храбрыхъ и считаетъ себя выше всѣхъ народовъ. Низкая шапка его опушена бараньимъ мѣхомъ; на ней нашиты кресты изъ красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана кускомъ полосатой матеріи или тряпки, концы которой висятъ на бокъ въ родѣ кокардъ; синяя или красная чоха съ короткими разрѣзными рукавами и сборками на нихъ, съ нашитыми также, на груди и плечахъ, красными крестами, составляютъ его костюмъ. Подъ чохой надѣтъ архалукъ и рубашка; шаровары короткіе и узкіе, обшитые тесьмою; сапожки, вязаные изъ разноцвѣтной шерсти и, кромѣ того, хунчи или бандули, кожаные башмаки съ проплетеннымъ низомъ.

До 16-ти лѣтъ хевсурскія дѣвушки очень милы и стройны, но

изнурительныя работы, неопрятность и грубая пища дѣлаютъ ихъ въ 25 лѣтъ уже старухами. Послѣднія крайне безобразны и, по выраженію очевидца, напоминаютъ кіевскихъ вѣдьмъ.

Хевсурки носятъ довольно красивую одежду. Черная шаль охватываетъ ихъ голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги. Заплетенные волосы, обогнувъ щеки и уши, связываютъ на затылкѣ.

Почти всѣ женщины курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой; въ 30 лѣтъ онѣ начинаютъ нюхать.

Пшавецъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; круглое лицо, каріе глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на головѣ оставляется чубъ, похожій на тотъ, какой носятъ малороссіяне. Походка пшава важная, характеръ добродушный. Пшавецъ чрезвычайно дикъ и, не стѣснялсь ничьимъ присутствіемъ, дѣлаетъ все, что ему захочется, не имѣя никакого понятія о стыдливости. Пшавскія женщины большею частію блондинки, миловидны, не такъ скоро старѣются, какъ у хевсуровъ, но за то скоро тучнѣютъ.

Хевсуры называютъ пшавовъ жирными дойными коровами и притѣсняютъ ихъ. Претензіи хевсуровъ на пшавовъ, предъявляемыя въ судахъ, бываютъ сколько же смѣшны, столько и нелѣпы.

Въ настоящемъ своемъ мѣстопребываніи, въ сосѣдствѣ тушинъ и хевсуровъ, пшавы живутъ только весною и лѣтомъ, потому что имѣютъ тамъ свои сѣнокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевываютъ на далекое разстояніе отъ своихъ жилищъ, туда, гдѣ находятъ болѣе подножнаго корма для своихъ стадъ.

Многіе пшавы сознаютъ, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить свой образъ жизни они не рѣшаются изъ одной приверженности къ старинѣ и примѣру отцевъ.

Пшавъ одѣвается въ черную чоху съ небольшими откидными

рукавами, зеленый или синій архалукъ и широкіе шаровары изъ чернаго или бураго сукна собственнаго приготовленія. На ногахъ носитъ каламаны изъ сыромятной кожи. На головѣ круглая войлочная шапочка; на поясѣ кинжалы, а на большомъ пальцѣ правой руки желѣзное острое кольцо.

Женщины одѣваются почти также, какъ и грузинки. Бѣлое покрывало на головѣ, красная рубаха и шальвары; обувь таже, что и у мужчинъ.

О храбрости тушинъ разсказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость, считая ее дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но про тушинъ въ центрѣ самаго Дагестана, въ Аваріи и другихъ мѣстахъ, сложены и поются пѣсни. Тушинъ рѣшится лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ; но если бы это случилось какимъ нибудь образомъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то онъ умретъ въ тяжкой неволѣ, какъ говорится, со славою, но не согласится быть вымѣненнымъ на непріятельскую плѣнную дѣвушку.

Вѣрность этихъ народовъ была причиною того, что грузинскіе цари всегда имѣли при себѣ тѣлохранителей изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ. По востребованію ихъ, они шли на войну подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ пастырей.

Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь замыкается въ желѣзо. На голову надѣваетъ чачкани (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна—короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала. Обыкновенное ружье въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры и щитъ, въ защиту отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дополняютъ его вооруженіе. Пика, какъ оружіе, есть принадлежность стариковъ, точно также какъ и стрѣлы.

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствахъ защиты сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляютъ все ихъ

оружіе. Всѣ три народа эти дрались всегда храбро, и получить рану въ тылъ считается весьма постыднымъ.

На уступахъ скалъ едва доступныхъ, по узкимъ тропинкамъ, какъ орлиныя гнѣзда, повисли хевсурскія деревни, выстроенныя изъ дерева или плитняка безъ извести и въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами. Башни, построенныя на извести, очень рѣдки въ Хевсуріи, а тѣ, которыя есть, составляютъ особую надежду на ихъ защиту.

Селенія пшавовъ, разбросанныя въ долинахъ и по скатамъ горъ, не многолюдны. Дома пшавовъ сколочены на скорую руку, а землянки едва виднѣются надъ поверхностью земли.

Внутренность дома не затѣйлива и состоитъ изъ одной, часто обширной комнаты. Она темна, стѣны ея покрыты копотью и облѣплены паутиною. Посреди комнаты видѣнъ очагъ или, скорѣе, костеръ выстланный плитнякомъ, въ которомъ разведенъ огонь. Вокругъ него собирается вся семья немытая и нечистая.

Въ одномъ углу комнаты стоятъ корова, лошадь и телята; въ другомъ—плетеныя носилки съ соломою. Растянувшись на нихъ, спитъ глава семейства, прикрывшись буркою или нагольнымъ тулупомъ. Прочіе члены семьи спятъ у огня: по одну сторону мужской полъ, а по другую женскій.

Пшавы очень нечистоплотны. Дома ихъ не болѣе какъ хлѣвы, никогда не выметаемые и служащіе жилищемъ одновременно для людей и для скота. Пшавецъ валяется на пыльныхъ войлокахъ, разостланныхъ на навозѣ. Платье на пшавцѣ нечисто, сально и рубашка снимается только тогда, когда, обратившись въ клочки, сама свалится съ плечъ. Пшавецъ не разбираетъ пищи и ѣстъ всякую мерзость.

Мужчины любятъ бывать въ обществѣ и посѣщать другъ друга. Гостепріимство у этихъ народовъ развито до высшей степени, и гость, кто-бы онъ ни былъ, считается священною особою.

Туземецъ проводитъ время среди разсказовъ о геройскихъ по-

ГОРІЙСКІЙ ЗАМОКЪ ВЪ ГРУЗІИ.

двигахъ предковъ, безпрерывнаго куренія и бряцанія на пандурѣ, сопровождаемаго дикими пѣснями. Въ такомъ положеніи отецъ поучаетъ семью или разсказываетъ ей случаи изъ житейскаго опыта. Онъ разсказываетъ о народныхъ повѣрьяхъ, о примѣтахъ, которыя долженъ знать каждый, чтобы избѣжать многихъ невзгодъ въ жизни.

Браки вообще не имѣютъ прочнаго основанія.

Женщина считается рабою, съ нею обходятся чрезвычайно грубо, безъ всякой нѣжности и привязанности. Мужъ можетъ прогнать жену во всякое время, хотя бы черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и безъ всякихъ поводовъ со стороны послѣдней. Мужъ говоритъ просто, что она ему не нравится, или что дурная хозяйка. Поступокъ этотъ не порочитъ женщины: она отправляется въ домъ родительскій и скоро выходитъ замужъ за другаго.

У пшавовъ прогнанной и забракованной женѣ выдается самтцунебро, т. е. пять коровъ, а забракованному жениху родители невѣсты должны выдать за безчестіе 16 коровъ, если только передъ отказомъ дочь ихъ была обручена съ нимъ. У тушинъ мужъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, можетъ обрѣзать женѣ руку и носъ, и въ такомъ видѣ отправить ее къ родителямъ, или же, прогнавъ просто, налагаетъ срокъ, раньше котораго она не можетъ выдти замужъ за другаго.

По установившимся мѣстнымъ законамъ туземцевъ важнѣйшими уголовными преступленіями считаются: смертоубійство, прелюбодѣяніе и воровство. Всѣ три вида этого рода преступленій почти всегда сопровождаются кровомщеніемъ. Оскорбленіе чести женщины у тушинъ всегда влечетъ за собою кровомщеніе.

За оклеветаніе въ невѣрности жены у другаго, обиженный рѣжетъ корову у обидчика, отсылаетъ свою жену къ ея родителямъ, а тѣ требуютъ обидчика къ суду и взыскиваютъ съ него 60 коровъ;

если обидчикъ публично сознается въ своей клеветѣ, то мужъ беретъ жену обратно, а обидчика удовлетворяетъ за убитую корову.

Кровомщеніе существуетъ у всѣхъ трехъ поколѣній этихъ народовъ. У хевсуровъ и тушинъ, какъ бы ни было совершено убійство, т. е. нечаянно или съ намѣреніемъ, убійца подлежитъ кровомщенію. Родственники убитаго хевсура предаютъ огню все имущество убійцы, скрывающагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣднюю деревню, которая принимаетъ его подъ свое покровительство.

У пшавовъ и хевсуровъ, каждый мѣсяцъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, убійца присылаетъ семейству убитаго по одному барану. На четвертый годъ, черезъ своихъ родственниковъ, онъ проситъ принять въ плату за кровь 280 барановъ и 70 коровъ. Если плата принята, то онъ можетъ возвратиться въ свою деревню, но не избавляется отъ мщенія.

Трудно увѣрить хевсура въ томъ, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ. Народъ болѣе всего уважаетъ Бога войны и сына Божія, но никто не можетъ объяснить истинныхъ догматовъ своей религіи. Постороннему человѣку опредѣлить религію этихъ народовъ еще труднѣе. Уважая крестъ Господень, покланяясь св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу и другимъ святымъ христіанской церкви, они въ то же время почитаютъ своихъ собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ, боговъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Водвореніе здѣсь христіанской религіи надо отнести къ незапамятнымъ временамъ царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впослѣдствіи ученіе Магомета имѣло сильное вліяніе и на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для защиты христіанства тушины должны были вести безпрестанную борьбу съ мусульманскими горцами, и хотя съ твердостію и успѣхомъ отстаивали свою независимость, но воинственный звукъ оружія сталъ заглушать голосъ проповѣдниковъ

Евангелія. Духовенство грузинское не въ состояніи было поддержать падающее христіанство, въ особенности когда прекратилось сообщеніе съ Тушетіею, окруженною врагами.

Въ Тушетіи не стало священниковъ, богослуженіе прекратилось церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротѣвшихъ христіанъ, безъ наставниковъ религіи, какъ стадо, лишенное пастыря.

Хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ нельзя назвать язычниками, потому что они вѣруютъ въ истиннаго Бога и его святыхъ; но ихъ нельзя назвать и христіанами, потому что они слишкомъ далеки отъ догматовъ христіанской церкви. Сами себя они называютъ христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ считаютъ бусурманами и обижаются, если назвать ихъ нехристями.

Смѣсь вѣрованій не мѣшала однако же тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, самимъ по себѣ, быть увѣренными, что они исповѣдуютъ христіанскую религію и принадлежатъ къ греческой церкви. Изъ грузинскихъ церквей, въ прежнее время, имъ посылался ежегодно, подъ видомъ мура, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядамъ своимъ, при крещеніи. Младенца, умершаго до крещенія, поливали въ гробѣ елеемъ и окропляли святою водою. Всѣ три поколѣнія вѣрили въ существованіе рая и ада и содержали нѣсколько постовъ въ году.

Вообще вѣрованія ихъ весьма неопредѣленны и шатки. Суевѣріе отражается въ обычаяхъ, соблюдающихся при рожденіи а смерти.

Чувствуя приближеніе родовъ, беременная женщина обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей сачехи—шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители

подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданіе больной.

На другой день послѣ родовъ, больной приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ нею сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у хевсуровъ мѣсяцъ, у пшавовъ 40 дней, а у тушинъ шесть недѣль.

Выдержавъ этотъ карантинъ, женщина возвращается къ своему семейству.

Существующее между горцами суевѣрное обыкновеніе не прикасаться къ беременнымъ женщинамъ и къ родильницамъ перешло и на покойниковъ. Поэтому избѣгаютъ того, чтобы больной скончался въ самомъ домѣ. Замѣтивъ приближеніе кончины, родственники больнаго выносятъ его тотчасъ же или въ сѣнцы, или просто на дворъ, гдѣ онъ и умираетъ.

На четвертый день послѣ кончины является священникъ. По окончаніи послѣдняго обряда оплакиванія, онъ беретъ въ руки зажженную свѣчу и произноситъ надъ усопшимъ молитвы. Съ покойника снимаютъ оружіе и относятъ на кладбище, гдѣ, выложивъ могилу досками или плитнякомъ, опускаютъ въ нее тѣло безъ гроба, воздвигнувъ на немъ насыпь безъ креста и надписей. По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души усопшаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ гостей угощаютъ вареной бараниной, слоеными лепешками, пивомъ и водкой.

Въ день похоронъ назначается скачка и стрѣльба въ цѣль на призы. Родственники во время поминокъ стараются угостить на славу: гости объѣдаются бараниною и напиваются пивомъ, а многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана. Напившись и наѣвшись, народъ расходится по домамъ съ веселымъ шумомъ.

НАРОДЫ РОССІИ.

I. АРМЯНЕ.

Армяне разсѣяны по всей имперіи, но главное число населенія ихъ, конечно, находится на Закавказьѣ, и преимущественно группируется около Арарата и у истоковъ Аракса, т. е. въ мѣстности занимаемой нѣкогда Великою Арменіею, которой часть принадлежитъ въ настоящее время Россія, а часть Турціи.

Арменія представляетъ возвышенную плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. По срединѣ этой плоскости стоятъ покрытые вѣчными снѣгами Большой и Малый Араратъ.

Не смотря на то, что Арменія находится на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и южною Испаніею, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ широтамъ Европы — отъ полярнаго до знойнаго.

Армяне занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ селеніяхъ Александропольскаго и Ахалцыхскаго уѣздовъ сѣютъ чалтыкъ, разводятъ хлопчатую бумагу и марену, а въ уѣздѣ Елизаветпольскомъ занимаются преимущественно скотоводствомъ. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ воспитываютъ шелковичныхъ червей, гонятъ водку и выдѣлываютъ вино тамъ, гдѣ есть средство къ разведенію винограда.

Перемѣшавшись въ Закавказьѣ съ другими народностями, армяне поселились въ Грузіи, составляютъ значительную часть населенія Тифлиса и, кромѣ того, живутъ поселеніями въ Ахалцыхѣ и его окрестностяхъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ, Ставрополѣ, Георгіевскѣ. Они же поселились близъ Ростова-на-Дону и основали тамъ особый городъ Нахичевань; въ Астрахани и въ Крыму также много армянъ. Словомъ сказать—народъ этотъ разсѣянъ по всему Кавказу и Закавказью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ, какъ бы оторванные отъ своихъ единоплеменниковъ, съ которыми, какъ выходцы изъ чужихъ странъ, они, въ дѣйствительности, имѣютъ мало общаго. Такъ, на Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочно-Окопскаго укрѣпленія, есть селеніе Армавиръ, населенное армянами, вышедшими изъ Черкесіи въ 1838 году и утратившими совершенно армянскую народность.

Поселившихся между татарами армянъ нѣтъ возможности подводить подъ одну и ту же категорію съ тѣми изъ ихъ единоплеменниковъ, которые составляютъ образованный классъ, разбросанный по всѣмъ частямъ свѣта, и даже съ тѣми, которые населяютъ города Грузіи. Армяне мусульманскихъ провинцій, кромѣ религіи, въ образѣ жизни весьма мало отличались отъ татаръ. Кучка ямъ, покрытыхъ землею, расположенныхъ безъ всякаго порядка и раздѣленныхъ между собою грудами навоза или смрадными, гніющими лужами; дорожки, извивающіяся то около, то черезъ крышу этихъ ямъ, замѣняющихъ дома, составляютъ общій видъ большей части армянскихъ селеній. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нижней полосѣ, сады и рощи своею зеленью прикрываютъ безобразіе и грязь, въ которыя погружены селенія. Армяне, точно также, какъ и татары, жили въ землянкахъ вмѣстѣ съ своимъ скототомъ, нисколько не стѣсняясь отправленіями и привычками этихъ животныхъ. Въ такой землянкѣ армянина и хлѣвъ, и скотный дворъ, и мѣсто воспитанія его поколѣнія. Здѣсь и насѣсть для куръ и крикливыхъ пѣтуховъ, составля-

ющихъ ночью весьма непріятное общество. Миріады самыхъ разнообразныхъ и гадкихъ насѣкомыхъ привѣтствуютъ посѣтителя у самаго входа въ саклю.

Семейство армянина и самъ онъ довольствуются пучкомъ травы, горстью лобіи (фасоль) и кускомъ черстваго хлѣба, не въ слѣдствіе недостатка, а по причинѣ присущей этой націи—благоразумной бережливости. Обыкновенную ихъ пищу составляетъ такой же хлѣбъ, какъ и у грузинъ, состоящій изъ прѣсныхъ лепешекъ. Зажиточные ѣдятъ пловъ, шашлыкъ, зелень и коренья.

Находясь въ подданствѣ различныхъ государствъ, и разбросанное, можно сказать, по всему земному шару, армянское племя, подвергаясь вѣ слѣдствіе того различному климату, образу жизни и занятій, утратило свою общую типичность. Средній ростъ, плотное тѣлосложеніе съ развитымъ туловищемъ и толстою шеею, мускулистыя руки, смуглое съ рѣзкими чертами лицо, живые глаза, орлиный съ горбомъ носъ, черные волосы, полныя губы, красивые, бѣлые, но, рѣдкіе зубы—вотъ отличительныя черты армянъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь сидячую и питаются преимущественно рисомъ, подъ старость дѣлаются тяжелыми—жирѣютъ.

Хитрость составляетъ отличительную черту характера армянина; любостяжаніе влечетъ къ обману, и для многихъ даръ слова служитъ средствомъ скрывать свои мысли; они льстятъ и въ привязанности своей непостоянны—человѣкъ не нужный больше забывается весьма скоро. Армяне вообще понятливы и охотно слѣдятъ за образованіемъ; въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ не имѣютъ соперниковъ. Они терпѣливы, смѣтливы, умѣренны до скупости и отлично умѣютъ предвидѣть, какое предпріятіе выгодно и какое нѣтъ.

Грузинскіе армяне, составляющіе большую часть городскаго населенія, по характеру своей дѣятельности, принадлежатъ исключительно къ торговому сословію, которое стремится къ одной цѣли—удовлетворенію своего корыстолюбія. Страсть къ деньгамъ и жела-

ніе нажиться дѣлаетъ армянъ хитрыми, пронырливыми, умѣющими удивительно хорошо соображаться съ обстоятельствами, когда нужно обмануть, услужить, искать порученій, усердно исполнить ихъ, лишь бы только осуществить надежду на выгоды, часто даже непозволительныя.

Черные волосы армянокъ, живые и черные глаза, очерченныя иногда прекрасными рѣсницами и бровями, дѣлаютъ ихъ довольно привлекательными и красивыми; впрочемъ, это встрѣчается рѣдко, и только до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды и не успѣли растучнѣть, но, къ сожалѣнію, то и другое весьма скоро становится ихъ принадлежностію. Женщины-армянки лѣнивы, неповоротливы, неловки въ походкѣ, имѣютъ часто кривыя ноги, что происходитъ частію отъ азіятскаго обычая сидѣть поджавши ихъ подъ себя, а частію отъ завертыванія въ тряпки ногъ малолѣтнихъ дѣтей.

Женщины считаютъ грѣхомъ смѣяться и шутить съ постороннимиими; онѣ носятъ покрывала, никогда не снимаютъ ихъ, и даже спятъ съ закутанной головой, такъ что только видны одни глаза.

Понятіе о стыдливости женщинъ у армянъ зашло такъ далеко, что женщина съ ногъ до головы закутывается въ чадру «и во что-то въ родѣ хомута или намордника, высушивающаго до костей нижнюю часть лица».

Армянки страшно любятъ богатыя украшенія, шелковыя, яркихъ цвѣтовъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ, цвѣтные каменья и кашемирскія шали пестрыхъ цвѣтовъ. Головной уборъ ихъ составляютъ шелковый платокъ и расположенныя со вкусомъ цвѣтныя ленты, авъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, дѣвушки до замужества носятъ *тавсакрави и лечаки*, прикрѣпленный булавкою къ первой и перекинутый за плечами на спину. Ниже тавсакрави вокругъ лба подвязывается нитка съ нанизанными на ней серебряными или золотыми деньгами, а иногда даже вплетается въ длинныя косы, ниспадающія на плечи. Такую цѣпочку, но-

сятъ и замужнія женщины, надѣвая ее на шею въ видѣ ожерелья. Будничный нарядъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ похожъ на халатъ, приготовляемый изъ красной бумажной матеріи и надѣваемый сверхъ рубашки; халатъ не застегивается и изъ подъ него виднѣются шальвары изъ красной шелковой и бумажной матеріи.

Въ Шушѣ старое поколѣніе женщинъ, бѣдный городской классъ и поселянки ходятъ довольно безобразно. Голова ихъ закутана множествомъ *лечаковъ*, а сверху накинутъ *чаргатъ*—большой красный шелковый платокъ, къ концу котораго прикрѣпляется серебряная или золотая цѣпь. Цѣпью этой держится вся головная и тяжелая повязка. Изъ подъ повязки выглядываютъ одинъ или нѣсколько рядовъ голландскихъ червонцевъ. Сверху шушинская армянка надѣваетъ *нимтане*, что-то въ родѣ *чохи*, съ короткими рукавами и двумя разрѣзами, сдѣланными сзади, начиная отъ поясницы до самаго низу. Подбородокъ и ротъ закрыты бѣлымъ платкомъ у молодыхъ, а краснымъ—у старухъ и носящихъ трауръ. Подъ *нимтане* онѣ надѣваютъ широкую и длинную рубашку изъ *алиши*—шелковая ткань туземнаго приготовленія, и преимущественно красная.

Довольно широкій кушакъ охватываетъ талію женщины поверхъ *нимтане*, а при выходѣ на улицу армянки накидываютъ на себя бѣлую чадру, закрывающую все, кромѣ глазъ и ногъ.

Женщины проводятъ всю свою жизнь въ заботахъ о хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей; онѣ безвыходно остаются въ своемъ домѣ и ведутъ жизнь затворническую.

Семейная жизнь у армянъ въ большомъ почетѣ и имѣетъ характеръ патріархальный. Армяне, по мнѣнію многихъ, принадлежатъ къ числу народовъ самыхъ мирныхъ, у которыхъ пороки есть только слѣдствіе защиты и противудѣйствія насилію, которому такъ часто подвергался этотъ народъ. Байронъ увѣряетъ, что трудно найти другой такой народъ, какъ армяне, котораго лѣтописи были бы такъ мало запятнаны преступленіями. Армяне принадлежатъ къ числу

практическихъ дѣятелей; они страстны къ торговлѣ и банкирскимъ оборотамъ. Вся торговля нашего Закавказья находится въ рукахъ армянъ; въ Турціи въ рукахъ армянъ сборъ государственныхъ доходовъ; при помощи денегъ они имѣютъ значительное вліяніе на дѣла правительствъ турецкаго и персидскаго. Армяне корыстолюбивы и всю свою жизнь употребляютъ преимущественно на пріобрѣтеніе выгодъ, хотя бы и незначительныхъ, чтобы сколотить копѣйку.

Въ домашней жизни армянинъ скупъ и еще скупѣе въ личныхъ сношеніяхъ съ другимъ; достать у армянина деньги можно только за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе, могущее вознаградить его, въ случаѣ иска, сторицею. Эта темная черта народнаго характера выкупается пожертвованіями на общественную пользу, на учрежденія общеполезныя и религіозныя.

Скорбя глубоко о паденіи своего отечества, лишившагося съ давнихъ поръ своей самобытности и самостоятельности, любя горячо свою родину, богатый и бѣдный армянинъ одинаково охотно жертвуютъ на поддержаніе своей національности и престарѣлыхъ соотечественниковъ: училища, госпитали и многія другія общественныя заведенія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертвованій.

Считая колыбелью своею тотъ край, откуда распространился родъ человѣческій послѣ потопа, и принадлежа къ послѣдователямъ Христа, армяне образовали совершенно отдѣльную армяно-грегоріанскую церковь, рѣзко отличающуюся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Догматы армяно-грегоріанской церкви не согласуются вполнѣ ни съ ученіемъ православія, ни съ правилами римско-католической церкви. Къ числу послѣдователей послѣдней принадлежитъ весьма небольшое число армянъ, живущихъ въ Закавказьѣ.

Армяне весьма набожны, и ничто не въ состояніи заставить ихъ отступить отъ строгаго соблюденія постовъ. При постоянной, умѣренной и «постной жизни, вообще деревенскій армянинъ съ монастырскою стойкостью соблюдаетъ всѣ посты, доведенные у нихъ до умерщ-

вленія плоти; обрядовая часть его вѣрованій доведена до безукоризненной точности».

Прошедшая исторія армянскаго народа доказала, что христіанская религія не могла быть поколеблена никакими преслѣдованіями, никакими истязаніями. Едва ли, кромѣ армянъ, есть на свѣтѣ другой народъ, который бы съ такою же стойкостью и единодушіемъ вынесъ на своихъ плечахъ христіанство и защитилъ его отъ всякаго порабощенія иновѣрцами-мусульманами. Во времена ханскаго правленія, армяне не могли свободно совершать обрядовъ богослуженія, не имѣли права звонить въ колокола, безъ платежа за то значительной подати, а потому народъ, за неимѣніемъ колоколовъ, призывался къ слушанію божественной литургіи или стукомъ въ деревянную доску, или голосомъ *жамкара*—родъ нашего звонаря.

— «Пожалуйте въ церковь!» кричалъ онъ обыкновенно съ крыши дома или какого-либо возвышенія, призывая жителей къ молитвѣ.

Во время божественной литургіи, армянинъ не снимаетъ шапки, потому что въ Азіи скидывать шапку и обнажать бритую голову есть знакъ величайшаго пренебреженія; но за то, входя въ церковь, они скидаютъ башмаки. Толкуя о правильности этого дѣйствія по своему, они говорятъ, что Богъ, призывая Моисея къ купинѣ, приказалъ ему снять не шапку, а башмаки.

Хотя армяне приняли христіанство съ давнихъ временъ, но въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ ихъ сохранились еще до сихъ поръ языческіе обряды.

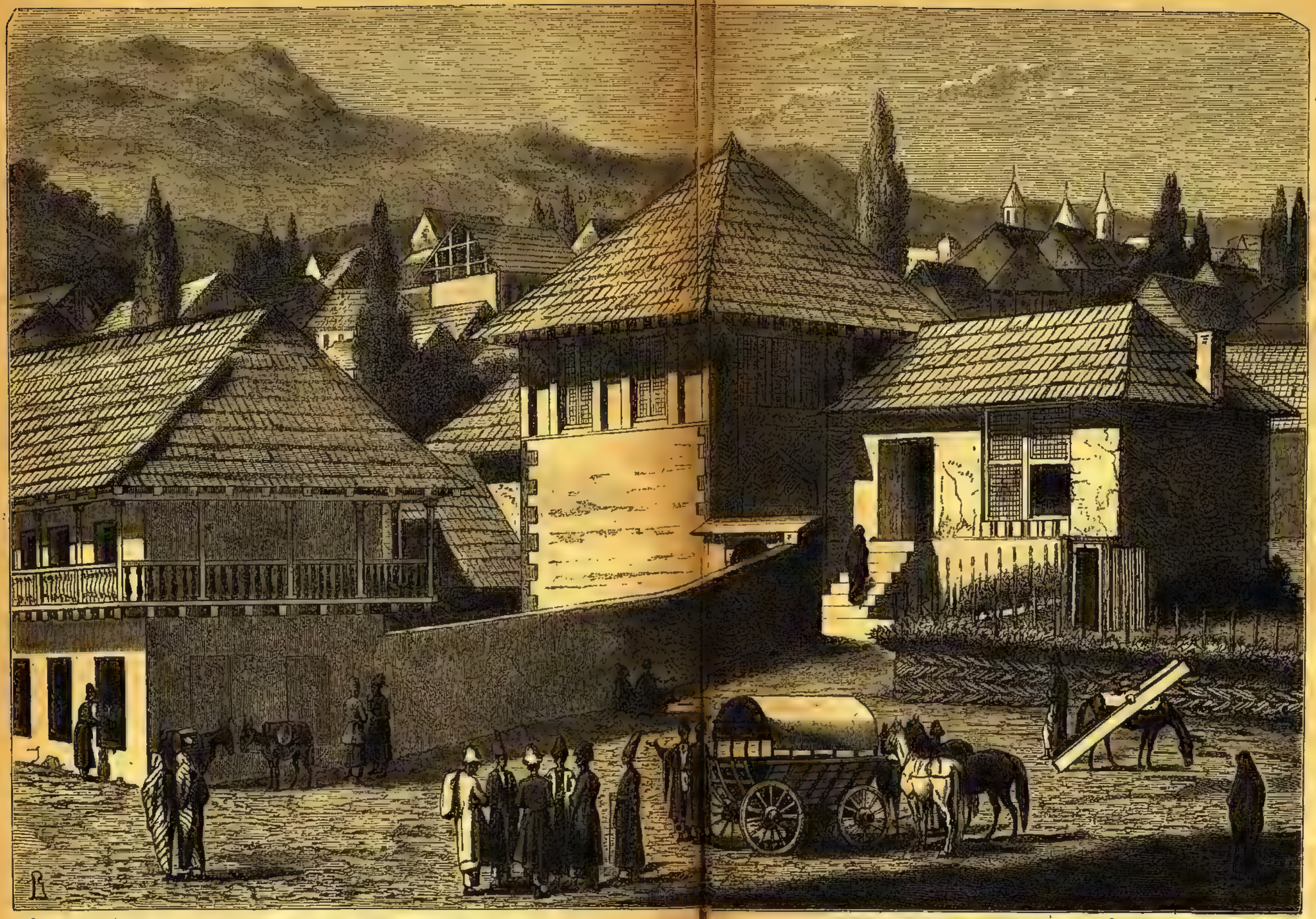
Между многими армянами распространено поколеніе солнцу, которое, на армянскомъ языкѣ, выражается словомъ *аревъ*. Какъ бы то ни было, но и до сихъ поръ есть еще лица, которыя называютъ себя *ареварди*—сынами солнца. Умирающій всегда кладется лицомъ къ востоку, точно также дѣлаютъ съ умершимъ, когда кладутъ его въ гробъ. Самое погребеніе почти всегда совершается передъ захожденіемъ солнца. Армяне признаютъ *Анагиду*—богиню мудрости

и славы, которая, по мнѣнію многихъ, покровительствовала армянскому царству. Въ честь ея были построены храмы въ Эризѣ, Ани, Покаванѣ и многихъ другихъ городахъ. Цари воздвигали ей золотыя и серебряныя статуи. Ежегодно, во время лѣта, когда цвѣтутъ розы, армяне праздновали день этой богини и торжество это называлось *вартаваръ*. Въ этотъ день они украшали въ честь богини храмы, статуи, публичныя зданія и даже самихъ себя. Нынѣ, въ честь той же богини, армяне украшаютъ цвѣтами алтари и, по совершеніи литургіи, окропляютъ народъ розовою водою.

Армяне точно также суевѣрны, какъ и грузины. Они вѣрятъ въ возможность искупленія грѣха или болѣзни жертвою. Такъ, больные даютъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, пожертвовать церкви домашнихъ животныхъ, и кровь этихъ животныхъ льется непремѣнно у стѣнъ церкви, а мясо дѣлится между священнослужителями.

По своему характеру, армянки до чрезвычайности мнительны и суевѣрны. Въ дни невзгодъ и разнаго рода непріятностей, онѣ посѣщаютъ запустѣлые храмы или пещеры, ходятъ къ вѣковымъ священнымъ деревьямъ и, совершивъ моленіе, привязываютъ къ дереву или прибиваютъ гвоздемъ къ стѣнѣ пещеры лоскутъ своей одежды, въ полной увѣренности, что подобными дѣйствіями молитва и просьба ихъ будетъ скорѣе услышана. Въ случаѣ зубной боли, вколачиваютъ гвозди въ пороги и стѣны храмовъ. Если женщина желаетъ имѣть мужественнаго и храбраго сына, то приготовляетъ собственными руками лукъ и стрѣлу и вѣшаетъ ихъ или въ храмѣ, или въ въ пещерѣ.

Желая продлить жизнь любимаго ребенка, армянка стрижетъ его волосы въ день какого-либо праздника и обрѣзки ихъ кладетъ передъ образомъ, прося Творца объ исполненіи ея желанія. Бездѣтныя женщины, подобно грузинкамъ, обходятъ на колѣняхъ три раза кругомъ церкви, обматывая ихъ стѣны нитками изъ хлопчатой бумаги, и усердно вѣрятъ, что отъ такого обвиванія разрѣшится ихъ неплодіе.



ВИДЪ ГОРОДА ШУШИ.

Понесетъ ли убытки или заболѣетъ мужъ—армянка даетъ обѣщаніе принести какое-либо жертвоприношеніе извѣстному святому, если домъ ея избавится отъ той или другой бѣды. Едва мужъ выздоровѣлъ, какъ жена торопится исполнить данное обѣщаніе. Неимѣніе, по большей части, никакой личной собственности, лишаетъ ее возможности пожертвовать своимъ имуществомъ. И вотъ, не смотря на грязь и холодъ, босикомъ, она отправляется собирать подаяніе и на весь сборъ, не утаивая ни копѣйки, покупаетъ своему патрону свѣчку. За то заболѣй отъ такой прогулки жена, армянинъ ни за что не позоветъ доктора, а посылаетъ къ знахарю мѣдную монету и призываетъ его къ больной.

Въ двухъ верстахъ отъ Ахалцыха есть развалины древняго монастыря. Время изгладило названіе его изъ памяти людей, которыхъ влечетъ теперь туда источникъ чистой и прѣсной воды. Преданіе говоритъ, что источникъ этотъ имѣлъ цѣлебную силу: стоило только умыться этой водою и оставить какой-либо кусочекъ ненужной вещи, чтобы освободиться отъ одержимаго недуга и переселить его въ опущенную вещь. Толпы богомольцовъ по праздникамъ собираются къ этому источнику, пьютъ его воду и развѣшиваютъ на развалинахъ монастыря кусочки разныхъ вещей. Послѣ праздника, спустившись въ одну изъ окрестныхъ долинъ, армяне пируютъ: пьютъ, ѣдятъ и пляшутъ подъ звуки чонгури и пѣсни сазандара.

У армянъ женихъ не знаетъ своей невѣсты: ее выбираютъ родители или ближайшіе родственники. Обыкновенно, когда родители вздумаютъ женить сына, тогда выбираютъ сватами кого либо изъ родственниковъ и отправляютъ ихъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль свата принимаетъ на себя священникъ, который приходитъ въ домъ невѣсты съ зажженною свѣчею, и если родители согласны на бракъ, то принимаютъ отъ него свѣчу.

Женихъ, узнавшій о такомъ приключеніи, совершающемся поми-

мо его воли, старается разунать стороною о свой суженой и, при помощи разспросовъ у постороннихъ, составляетъ довольно смутное понятіе о своей будущей женѣ. Онъ узнаетъ только объ ея имени, красотѣ, но при такомъ развѣдываніи характеръ и воспитаніе дѣвушки остаются для него тайною.

Армянинъ не можетъ жениться на родственницѣ до седьмаго колѣна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ развестись съ женою. Получивъ согласіе на бракъ, отецъ, родственники и знакомые жениха отправляются въ домъ невѣсты. Имъ предшествуютъ часто музыканты и всегда молодые люди, которые несутъ, на огромныхъ подносахъ, кушанье, вино, двѣ восковыя свѣчи и подарки невѣстѣ: кольцо, серебряный поясъ и непремѣнно нѣсколько монетъ, нашиваемыхъ невѣстою на платье и головной уборъ. Съ своей стороны, невѣста дѣлаетъ различные подарки родственникамъ жениха. Священникъ зажигаетъ принесенныя двѣ свѣчи и совершаетъ обрядъ обрученія, по большей части въ отсутствіи жениха и невѣсты.

По обычаю армянъ, дѣвушка не приноситъ своему будущему супругу никакого приданнаго, кромѣ небольшаго количества вещей, собственно необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Приданое невѣсты преимущественно составляетъ: постель, бѣлье, платье, умывальница, мѣшокъ для соли и шерстяной чемоданъ; люди достаточные прибавляютъ и еще что нибудь. Напротивъ того, женихъ вноситъ извѣстную плату отцу невѣсты и, за нѣсколько дней до свадьбы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправляетъ отца и родственниковъ, которые и относятъ въ домъ невѣсты съѣстное, вино, сахаръ, конфекты, барана, подвѣнечное платье и двѣ свѣчи для вѣнчанія, при чемъ посѣтители остаются у невѣсты на всю ночь и пируютъ вмѣстѣ съ ея отцомъ.

Въ день свадьбы вдоль по улицамъ деревни или города отправляютъ хоръ музыкантовъ, число которыхъ не велико: два барабанщика, съ большимъ и малымъ барабаномъ, и нѣчто въ родѣ клар-

нетиста съ камышевою дудочкою. Этотъ оркестръ, играя маршъ собственнаго сочиненія, часто далеко не музыкальный, заходитъ въ каждый домъ и проситъ хозяина съ семействомъ пожаловать на свадьбу къ такому-то.

Съ восьмаго часа вечера начинается сборъ гостей, при чемъ маленькія дѣти сѣютъ муку, а приходящіе дарятъ деньги; мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ и дѣвушекъ. На полу, устланномъ коврами и поджавъ подъ себя ноги, размѣщаются гости обоихъ отдѣленій и слушаютъ музыку: двухъ скрипачей и двухъ пѣсенниковъ, утѣшающихъ ихъ безъ умолку татарскими и персидскими пѣснями.

Армяне любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ; подъ тактъ своихъ оглушающихъ оркестровъ, или *зурначей*, получившихъ свое названіе отъ *зурны*—особаго вида рожка. Кромѣ рожка, въ армянскомъ оркестрѣ состоятъ: волынка, скрипка, бубенъ и барабанъ. Все это пищитъ, скрипитъ и стучитъ немилосердно, между тѣмъ какъ тактъ, усердно отбиваемый турецкимъ барабаномъ, сливаясь съ этою адскою мелодіею, производитъ ужасное дѣйствіе на уши непривычныхъ слушателей.

При началѣ музыки и подъ тактъ хлопанья въ ладоши выходитъ на средину молодая женщина. Она двигается плавно, умѣя придать своимъ движеніямъ граціозность и привлекательность. Оживленные взгляды, мимика рукъ и стройная прямая талія говорятъ въ пользу танцующей. Обойдя кругъ, она останавливается противъ одной изъ подругъ, и та должна, смѣнивъ ее, продолжать начатую пляску.

Послѣ дѣвицъ выходитъ мужчина; при появленіи его, музыка перемѣняетъ тихій тактъ на скорый, и пляска дѣлается живѣе; движенія пляшущаго быстры и сопровождаются особенно труднымъ вывертываніемъ ногъ, то на самыхъ пальцахъ, то на каблукахъ, требующихъ большой силы и навыка, хотя при томъ не замѣтно усилій и нѣтъ необыкновенныхъ прыжковъ; руки пляшущаго также тутъ участвуютъ, но онъ держитъ ихъ какъ человѣкъ, готовый боксировать.

По окончаніи пляски является мать новобрачнаго. Она выходитъ съ большимъ мѣднымъ блюдомъ, на которомъ положены двѣ тонкія продолговатыя лепешки, а на нихъ горячіе угли, посыпанные ладономъ. Старуха три раза обходитъ новобрачныхъ, сидящихъ на лошадяхъ, ломаетъ лепешки въ куски и бросаетъ ихъ подъ ноги лошадямъ. Круговой обходъ дѣлается въ память умершихъ родственниковъ, а бросаніе лепешекъ подъ ноги лошадей въ знакъ того, чтобы на поляхъ молодой четы всегда былъ хорошій урожай.

Послѣ ужина, обыкновенно начинающагося въ четвертомъ часу по полуночи, гости расходятся. На другой день, часу въ десятомъ утра, на дворъ жениха приводятъ двухъ или трехъ барановъ и нѣсколько куръ. Новобрачный однимъ ударомъ долженъ отсѣчь голову барану; то же самое дѣлаютъ шафера съ остальными баранами и курами, и немедленно отправляютъ ихъ на кухню. Вечеромъ приглашаются на ужинъ всѣ гости, бывшіе наканунѣ на свадьбѣ.

По выходѣ замужъ, молодая закрываетъ свое лицо платкомъ, оставляя открытыми только глаза и носъ; при встрѣчѣ съ посторонними, она прячетъ свое лицо въ чадру или платокъ. Кромѣ мужа, сестеръ и малолѣтнихъ дѣтей, она не можетъ ни съ кѣмъ говорить— тестю и тещѣ отвѣчаетъ знаками, а мужъ не долженъ называть ее по имени. Когда, вскорѣ послѣ свадьбы, въ домѣ случится кто-нибудь изъ почетныхъ гостей, молодая подноситъ ему чашу вина и цѣлуетъ его руку; а если онъ останется ночевать, то въ прежнее время молодая обязана была омыть ему ноги.

II. ОСЕТИНЫ.

Характеръ, бытъ и религія.

Осетины, въ числѣ около 76,000 душъ, занимаютъ частью Владикавказскую плодородную плоскость, а частью горы въ окрестностяхъ Казбека.

Осетины сами себя называютъ иронами, то есть происшедшими отъ Ира; но кто такой былъ Иръ — народъ не можетъ объяснить себѣ этого. Въ прежнее время, по словамъ народа, къ осетинамъ переселялось много разнаго рода людей: грузинъ и горцевъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія персіянъ на сѣверную покатость горъ.

Сѣверная часть Кавказскаго хребта, гдѣ поселились осетины, изрѣзана многими ущельями, носящими разныя наименованія, которыми обозначаются и жители этихъ ущелій. Отъ этого-то и произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ обществъ, имѣющихъ одинъ общій языкъ, но нѣкоторые оттѣнки въ характерѣ и нравахъ. Такимъ образомъ, между осетинами есть множество обществъ, жители которыхъ носятъ названія: дигорцевъ, алагирцевъ, куртатинцевъ и тагаурцевъ.

Не смотря на свою суровость во многихъ мѣстахъ, климатъ Осетіи, кромѣ мѣстъ, изобилующихъ болотами, здоровъ и имѣетъ хоро-

шее вліяніе на человѣческій организмъ, отражающееся на долголѣтіи и крѣпости туземца. Столѣтній возрастъ считается въ Осетіи почти обыкновеннымъ. Горный воздухъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье жителей.

Суровая природа сдѣлала дигорцевъ неустрашимыми, физически сильными и отличными ходоками по горамъ, гдѣ они занимаются охотою. Они высоки ростомъ, владѣютъ даромъ слова и хорошими умственными способностями; природный здравый умъ ихъ видѣнъ на каждомъ шагу. Дигорецъ гостепріименъ, честенъ, гордъ, вѣренъ въ словѣ и клятвѣ, предпріимчивъ, но упрямъ, мстителенъ и скрытенъ. Лицомъ онъ смуглъ, голову брѣетъ, но носитъ бороду, которую подбриваетъ. Дигорцы болѣе опрятны и относительно болѣе трудолюбивы чѣмъ всѣ остальныя поколѣнія осетинъ, и никогда не считались воинственнымъ племенемъ. Занимаясь болѣе земледѣліемъ и имѣя немного скота, они почти никогда не пускаютъ его въ продажу, но изъ овечьей шерсти дѣлаютъ хорошія бурки, которыя и продаютъ или на линіи, или въ Имеретіи. Алагирецъ, напротивъ того, неповоротливъ; глаза его, безжизненные и вялые, внушаютъ мысль о коварствѣ и наглой трусости, скрытыхъ подъ личиною мнимаго великодушія. Племя это своенравно, въ высшей степени вспыльчиво, способно изъ пустяковъ нашумѣть, накричать и надѣлать разнаго вздору. Алагирцы чужды, впрочемъ, клеветничества, и характера весьма добраго, въ особенности если приласкать ихъ.

Тагаурцы отличаются наибольшею гордостію между всѣми племенами осетинскаго народа. Считая своимъ родоначальникомъ Тагаура, по преданію наслѣдника армянскаго престола, который будто бы бѣжалъ въ горы, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ братьевъ, они причисляютъ себя къ высшему сословію осетинъ, и потому народъ ихъ ненавидитъ.

Самый честный, прямой и откровенный народъ — куртатинцы. Они глубоко преданы русскимъ и слѣпо вѣрятъ, что имъ не будетъ

оказано несправедливости. Вообще всѣ осетины народъ преданный нашему правительству и весьма усердные исполнители его распоряженій. Усердіе это и прилежаніе не распространяется однако на ихъ домашнюю жизнь.

Никто меньше осетина не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, а текущій день онъ проводитъ въ праздности и лѣни, сидитъ дома у дымящагося костра, съ трубкою во рту, или спитъ, бродитъ по горамъ, какъ дикій козелъ, не желая ничего пріобрѣтать и предоставивъ свое незатѣйливое хозяйство на попеченіе женъ.

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности.

Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества, и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: она стоитъ цѣну того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову; другой — въ овцу и проч. Эта малоземельность была причиною того, что часть осетинъ переселилась на южный склонъ главнаго хребта и добровольно отдала себя въ кабалу грузинскимъ помѣщикамъ.

Утесы и горы Осетіи неспособны къ земледѣлію, и потому туземное населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ. Получая хлѣбъ отъ сосѣдей, осетины доставляютъ имъ, взамѣнъ того, рогатый скотъ, барановъ, лошадей, извѣстныхъ своею силою и пре- мъ ходомъ по горамъ. Но промышленность эта совершенно а и едва удовлетворяетъ насущной потребности. Правда, въ низменныхъ, равнинныхъ, почва, до чрезвычайности плодородная, могла бы вознаградить трудъ обильнымъ урожаемъ, но и тамъ осетинъ, будучи стѣсненъ въ поземельной собственности и владѣя небольшими участками, мало пользуется ея дарами. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Дигоріи, жители имѣютъ

подъ рукою многія средства къ благосостоянію, но, по своей безпечности и лѣни, они ограничиваются изготовленіемъ и запасомъ самаго необходимаго въ домашнемъ быту. Единственная ихъ промышленность — медъ, сбываемый въ Моздокѣ, Владикавказѣ и по казачьимъ станицамъ. Медъ дигорскихъ пчелъ отличается ароматомъ, вкусомъ и бѣлизною; но дигорцы въ умѣньѣ добывать его оказываются плохими пчеловодами.

Всѣ осетины весьма жадны до денегъ, которыя однакоже они стараются пріобрѣсти не для употребленія, не для улучшенія своего быта, а для храненія взаперти; богатый и бѣдный одинаково ходятъ почти голые, въ лохмотьяхъ. Всеобщая бѣдность царствуетъ между осетинами. Праздность неразлучна съ ними; неопрятность присуща народу. На вопросъ о причинѣ этихъ бѣдствій, осетинъ глубокомысленно отвѣчаетъ, что онъ бѣденъ отъ неурожая хлѣба, большинство котораго идетъ на приготовленіе араки (родъ водки), безъ которой они жить не могутъ. Осетины говорятъ, что они праздны по неимѣнію хлѣбопашныхъ мѣстъ; это правда; но справедливо и то, что иногда вблизи аула видны большія поляны, которыя могли бы быть воздѣланы, но остаются необработанными по безпечности осетинъ.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюдные. Живописныя жилища разбросаны безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ, такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля — зашумѣли вьюги, и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа и тутъ являетъ для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ безчисленными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, вол-

КУРДЪ. АРМЯНИНЪ. ОСЕТИНЪ.

нующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ, по которому плаваютъ ледяныя горы, закутанныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблятся, тонутъ и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ, и остроконечныя верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые... но всѣхъ цвѣтовъ не перечесть: такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія, какъ броня вороненая; вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природы, грубый и дикій, онъ не сочувствуетъ природѣ; онъ занятъ: онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прыгая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ...

Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома и прочія хозяйственныя пристройки складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева. Каждый каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Такой домъ, обнесенный каменною оградою и имѣющій высокую башню, носитъ названіе галуана.

Часто домъ осетина однимъ своимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скотъ, служитъ поломъ для втораго, сообщаю-

щагося съ дворомъ посредствомъ внѣшней лѣстницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, то предназначается частію для пріема гостей, частію служитъ вмѣсто кладовой. Главное строеніе имѣетъ двѣ двери: одну посрединѣ, а другую — боковую, ведущую на дворъ; небольшія четыреугольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или сакель, строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на два столба и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настилается очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ земляннымъ поломъ. У богатаго владѣльца, къ внѣшней стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною; а у бѣднаго — очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями.

Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до-нага, онъ ложится на соломѣ, постланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимою спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ — подъ открытымъ небомъ. Очагъ, кромѣ того, имѣетъ и другое значеніе между осетинами и считается священнымъ мѣстомъ, въ которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолкѣ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченному дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котелъ, служащій для приготовленія пищи. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, разставлена домашняя утварь, посуда: деревянная или глиняная; а если хозяинъ съ достаткомъ, то и мѣдная, составляющая роскошь въ домашнемъ быту осетина. На гвоздяхъ рядомъ

съ полкою виситъ оружіе, бурки, башлыки; а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичъ* — кладовую съ съѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разставлены въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, и разбросаны желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота— главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана, или, наконецъ, просто обрубокъ, тренога и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія, и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены прочнымъ тыномъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные картофелемъ, рѣдькою, кукурузою и другою зеленью.

Одежда осетинъ, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ покроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, убраннымъ серебрянымъ или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка съ бараньимъ околышемъ; шаровары изъ простого сукна или изъ сукна, приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ че-

вяки или надѣваетъ башмаки некрашенной кожи съ подошвами; а чтобы лучше держаться на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко-плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шашка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглые щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою посрединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ, и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки или, лучше, ермолки, другія—болѣе бѣдныя—покрываются просто платкомъ, а дѣвицы заплетаютъ косы, но безъ лентъ.

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь), съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказачному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ. Говоритъ онъ своимъ дѣтямъ о Вацилѣ (или Уацилѣ), какомъ-то лѣсномъ божествѣ; говоритъ и о покровительствѣ Уастырджи (св. Георгія), спасавшаго охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины: до такой степени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометан-

ствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ, число которыхъ простирается до 51,590 душъ; магометанъ—14,434 душъ и язычниковъ. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни наконецъ язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ сунитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ многоженство. Сколько правительство ни старалось внушать осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались попеременно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга—вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей, но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давида, проведшаго четыре года въ плѣну у осетинъ и присмотрѣвшагося къ быту ихъ, осетины «исполняли въ концѣ прошлаго вѣка великій постъ, но поповъ не имѣли; они не крестились, а поклонялись козловой кожѣ, которую почитали вмѣсто Ильи пророка, и ей молились».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами, значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все также.

Ни чѣмъ не заинтересованные въ необходимости убѣдиться въ чистотѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ земляннымъ поломъ и съ однимъ крошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чужомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь.

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, лѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитаютъ Михаила Архангела, пророка Илію—какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца—какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастія и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждыхъ родовъ; въ честь ея осетины назвали пятницу—майрамъ-бонъ и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатокъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папахи; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему лоскутками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство; но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. [По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права

показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостію другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и дзуаровъ—безчисленныхъ духовъ, покровителей всего хорошаго и добраго. Имъ они приносятъ молитвы, прося объ урожаѣ, удачной охотѣ и проч.

Праздники, обряды, семейная жизнь.

Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, больше частію совпадающіе съ нашими.

Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ того, народъ празднуетъ ночь въ честь шайтана—злой силы, или дьявола.

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ногъ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ новый день, и празднуется одновременно съ нами. Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ.

Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (шапурсъ-мархо).

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Вы-

ШЕМАХА.

бирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *уастырджи*, въ честь св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лагти-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщина не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдовательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасанъ*—сборъ травъ,—считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того у осетинъ бываетъ праздникъ въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ Уацилы, или Вацилы осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею, и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи, продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ.

Громовой ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва

Иліи. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, которая послѣ молніи и удара грома падаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ—показываетъ себя какъ бы навожденною и распѣваетъ непонятныя пѣсни.

Главное мѣсто празднества св. Иліи происходитъ на одной изъ горъ, гдѣ живетъ главный жрецъ этого святаго *дзуаръ-лагъ*, что значитъ святой человѣкъ. Онъ же и гадатель.

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покровителей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздниковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ въ честь кого празднуютъ.

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каждый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ-покровителей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не признаются другими аулами и племенами.

Слѣпая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣритъ и боится прогнѣвить его, изъ одного простаго страха, что эта неодушевленная вещь отмститъ за оскорбленіе, въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ него потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ-тайнѣ имъ уважаемыми.

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко прибѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа

при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между осетинами. Осетины вѣрятъ тоже въ русалокъ и въ существованіе богини воды.

Многоженство въ обычаѣ осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по осетински, *ирадъ*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалака (однодворца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ* — состояніе, подходящее къ крестьянскому быту.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха невѣсты или исподволь, пока растетъ дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуетъ. Женихъ беретъ себѣ въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатитъ выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себѣ невѣстъ безъ всякаго выкупа, что притомъ же считается особенной честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или платитъ значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершенно съ согласія невѣ-

сты и сдѣлано съ большимъ удальствомъ: иначе пойманный часто платится жизнію, а боками—всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупа, поступаютъ въ домъ невѣсты работникомъ и часто только послѣ восьми-лѣтняго служенія женихъ пріобрѣтаетъ себѣ право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перезрѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра выкупа—съ другой лишали осетина возможности заплатить законный, калымъ за нѣсколькихъ женъ; поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными, отъ которыхъ происходили незаконныя дѣти или *кавдасарды*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себѣ. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ пріобрѣтали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьмилѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые

7/ Замѣчательный есть у осетинъ обычай во время, выбиранія невѣсты. Нареченную

люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десятилѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Основою семейнаго быта у осетинъ служитъ уваженіе къ старшимъ и вообще людямъ пожилыхъ нѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непремѣнно своею обязанностью вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество съ оружіемъ въ рукахъ составляютъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены, если имѣетъ къ тому средства, и

и заранѣ спрашиваютъ нарече-
нную, можетъ ли она содержать [illegible]

потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ—онъ не обидится; но назвать его усъ—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта—принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они одни и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ, и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно «на лаг»,—что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но еслибы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать пять лѣтъ она уже совсѣмъ старуха. Лицо ея обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, онѣ очень часто называютъ другъ друга не собственными именами, а нарицательными: савъ-гизъ (черная дѣвка, одно изъ почтенныхъ именъ), бабизъ (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весь-

ма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденнаго сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ пошировать на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, причемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи—въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самые близкія родственницы уводятъ ее изъ женскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой твердости, что какъ бы ни были мучительны роды родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмы въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожден-

наго, и хлопочутъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію. Но увы! и эта надежда исчезла: хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца: дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее ирадъ (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные апетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шашки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ уз-

НУХИНСКДОЛИНА

наетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ.

Въ этомъ случаѣ муллы поступали для себя болѣе практично. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

О воспитаніи дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченіи матери; но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновеніе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ.

Для сохраненія гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея ежедневную пищу Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ —длинной витой узелъ, похожій на жгутъ, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятію осетинокъ, это способствуетъ выростанію и удлиненію волосъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется непохороненнымъ. Поэтому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христіане, живущіе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсью своихъ обычаевъ; а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по-языčески.

Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. Поэтому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи въ день смерти совершался обрядъ хоранга, или большія поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласія наслѣдниковъ; на вырученныя деньги покупали вина, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленныя изъ нихъ кушанья съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ, живущимъ въ сосѣднихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатай). Послѣдняго снабжаютъ самою лучшею лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ сосѣднихъ ауловъ матзигой—такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе—покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи—кто черкеску, шашку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ сосѣднихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и аробъ, и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣскольку человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ поперемѣнно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки «са-а-а»; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре

человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню ада-дай, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ, чтобы показать свое сострадание къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетьми этими они бьютъ себя по открытой головѣ такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками, и кровь льется изъ задней части головы.

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя руками. Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ лицо ихъ раздувается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону.

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый карагъ — оплакиваніе, поддерживаемое общимъ рыданіемъ присутствующихъ. Присутствующіе, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ для покрова умершаго, такъ и на содержаніе его вдовы. По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу, и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ печальной процессіи, непосредственно за арбою, на которой

везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула, и при пѣніи «ада-дай», бьютъ себѣ обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ тоже самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженіи и на конѣ, принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, чѣмъ медленнѣе подвигается процессія, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиваніе. Покойника ставятъ поодаль отъ мѣста погребенія. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣсню и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ.....

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ пороху и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершій человѣкъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то наоборотъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, челитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлію, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ.

Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и съ важностію требуетъ коня покойнаго, для совершенія обряда бахи-фалдистъ—жертвованія лошади въ честь покойника.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовыми навсегда, отрѣзаютъ себя волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный полу-

КУРДИСТАНСКІЙ КНЯЗЬ.

чаетъ для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убитъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, онѣ принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ придѣлывается шаръ.

Послѣ закрытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана, смотря по состоятельности осиротѣвшаго семейства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый бабакъ—стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти саженъ длины. Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается маданих-истъ—такъ сказать—ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться.

Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые

не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіи трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается мадани-хистъ. Каждый приглашенный на хистъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, вареники съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіи первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуріямъ.

III. КУРДЫ.

На приложенной хромолитографіи, вмѣстѣ съ армяниномъ и осетиномъ, изображенъ курдъ. Эта народность принадлежитъ къ иранской рассѣ и живетъ въ Азіятской Россіи въ весьма ограниченномъ числѣ, въ частяхъ губерній: Эриванской, Бакинской и въ пограничныхъ частяхъ Кутаисской. Всего считается ихъ въ Закавказьѣ до 11,000 душъ, изъ которыхъ около двухъ третей кочующихъ, и только одна треть осѣдлыхъ. По незначительной числительности ихъ въ предѣлахъ Россіи, они не заслуживаютъ подробнаго описанія, почему мы ограничимся нѣсколькими словами.

Ученые приписываютъ курдамъ древнее кавказское происхожде-

ь долину Тигра и Евфрата, и окрестности
этого воинственнаго племени ведетъ кочe-
же и живутъ осѣдло въ домахъ, то это толь-
же начинаютъ кочевать; да и самыя зим-
ція по большей части изъ землянокъ, зане-
снѣгомъ, непостоянны, а также переносят-
хотя они умѣютъ прекрасно искусственно
менѣе, какъ всѣ горскіе народы, весьма ма-
ествомъ. Главное богатство ихъ состоитъ
ящихъ изъ коровъ, буйволовъ, барановъ,
юдовъ. Овечье молоко составляетъ ихъ лю-
ескіе бараны, въ громадномъ числѣ, идутъ
антинополя и другихъ городовъ сирійскаго
омышленности, разумѣется, никакой не су-
грубыхъ предметовъ для собственной не-

въ красивъ; красивыя же женщины встрѣ-
трасть къ грабежу и хищничеству преобла-
ми другими качествами; кромѣ того они

принадлежитъ къ суннитскому толку; но
ьмане, и обряды ихъ весьма различаются отъ
иваются турки или персы. Нѣкоторые кур-
іанство, почти всѣ несторіане. Что же ка-
никовъ, то они называютъ себя іезидами.
Іисуса Христа и Богородицу, но къ этимъ
иняютъ множество понятій, чуждыхъ какъ
агометанству. Они вѣруютъ, напримѣръ, въ
нигъ у нихъ нѣтъ никакихъ, умершихъ хо-
палочекъ, чтобы они могли отгонять отъ се-
ки находятся у нихъ въ большомъ почита-

ніи. Полагаютъ, что живущихъ въ Малой Азіи іезидовъ насчитывается до одного милліона душъ. Въ Эриванской губерніи ихъ не наберется болѣе нѣсколькихъ сотенъ. Другая языческая секта признаетъ своимъ богомъ Алія; послѣдователи ея называются кизильбашами, по названію употребительнаго между ними головнаго убора. Наконецъ, еще одна языческая секта поклоняется высокимъ деревьямъ, скаламъ и другимъ выдающимся предметамъ природы.

Курдскія женщины, живущія въ предѣлахъ Россіи, отличаются некрасивостію и неопрятностію, хотя они очень усердны въ хозяйствѣ. Кромѣ того, они очень ревнивы, и рѣдкій изъ курдовъ имѣетъ болѣе одной жены. Курдскій женскій костюмъ очень живописенъ, а танцы женщинъ очень выразительны.

2007053137